

МОЛИТВЕННЫЙ ДНЕВНИК
СТАРЦА ФЕОДОСИЯ

МОЛИТВЕННЫЙ ДНЕВНИК
СТАРЦА
ФЕОДОСИЯ КАРУЛЬСКОГО

Спасо-Преображенский
Валаамский монастырь
Санкт-Петербург
1997

*По благословению игумена
Спасо-Преображенского Валаамского монастыря
архимандрита Панкратия*

*Печатается с разрешения издательства «ЛАРА»
при участии Санкт-Петербургского Благотворительного общества
во имя св. апостола Павла*

ISBN 5-7302-0873-1

© Издание Спасо-Преображенского
Валаамского монастыря, 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ

До настоящего занятия молитвой Иисусовой Старец Феодосий молился обычно: по книгам и «четкой» исполнял свои молитвенные церковные и келейные правила, и после, в свободное время днем, творил простую словесную Иисусову молитву устно и умно, по возможности. Сладость молитвы Иисусовой памятна Старцу еще от детства его, когда молился он ею непрестанно, но потерял ее за обидчивость свою на товарища по семинарии, шалуна, часто досаждавшего ему. Мне очень было желательно, чтобы Старец взялся серьезно за молитву Иисусову, и я часто напоминал ему о ней. Мы с ним вместе сокращали жития святых, он по Четьи Минеи, а я по Прологу. Последнее время я заманил его сокращать Св. Симеона Богослова с намерением подвигнуть на желание заняться ему Иисусовой молитвой. Появляло на него, спрашивает: «Могу ли я начать, и как?» Я по неопытности посоветовал ему «Странника». Он говорит: «Да у меня и дыхания то не хватает, я и без того чуть дышу». А я ему говорю: «Для этого и не требуется большого дыхания, и слабое-то велят удерживать. Попробуйте-ка и увидите, что хватает дыхания у вас».

Взялись для пробы за четки. Протянули одну, спрашиваю: «Ну как, хватает ли?» — «Да, — говорит, — хватило».

— «Ну вот, и начинайте с Богом».

Взялся Старец горячо по «Страннику» с дыханием и по биению пульса в сердце, и скоро привилась молитва непрестанная к сердцу. Седмицы две занимается и утешается. В один день к вечеру, придя из церкви, говорит мне: «У меня началась молитва благодатная, сподобил Бог». Спрашиваю: «Как это?» — «Да вот, — говорит, — я, облокотившись на престол, на коленях молился, и вдруг загорелось сердце, и молитва со слезами умиления из сердца потекла ключом, и теперь не престаёт эта сладость». Я говорю: «Не верьте, Батюшка, чтоб не впасть в прелесть. Это у вас от усердия и горячности, кровяное» (по Игнатию Брянчанинову).

Поспорили. Старец настоял на своем: «Я так и без молитвы Иисусовой сподоблялся часто».

Через два дня в большом смущении Старец спрашивает: «Что это со мной? От непрестанной молитвы у меня в сердце чувствуется, как собака брешет (лает) «гам-гам», а молитвенных слов не могу ясно слышать. И так этот «брех» отвратителен, страшно становится. Навязалось это на сердце так, что не могу отбиться никак. Боюсь, не прелесть ли уж начинается и не сойду ли с ума от этого?» Говорю: «Успокойтесь, это от усердия у вас. Молитесь другими молитвами». (После по опыту узнал я, это у него перебой пульса случился от усталости и долгого упражнения. Не должно бы бояться, а отдохнуть надо.) «Молюсь, — отвечает, — да не перебью». И так бедняга всю ночь мучился, не мог заснуть, и ко дню сильно заболел... Позвал духовника и долго одни беседовали, и в результате советовали молиться не тихой молитвой, а по-прежнему обычной и простой. Успокоился Старец и от болезни поправился.

Но как уж усладился от хороших переживаний молитвы Иисусовой, то не мог забыть того и часто вспоминал: «Как хорошо тогда было!»

Проходит год в обычной молитве и сокращении Слов преп. Симеона Нового Богослова. Однажды говорит мне Старец: «Как хочется опять взяться за молитву Иисусову, да только боюсь». А я ему говорю: «Не надо горячо, а с ощупью, как советует Игнатий Брянчанинов. Представьте такой пример. Вы заболели неизлечимой болезнью. Нашелся доктор и дает вам такой совет-рецепт: обойти кругом всю Афонскую гору, но пути-дороги нет. От давности получились обвалы и пропасти и заросло все кругом большим непроходимым лесом: вместо дороги стала непроходимая дебрь с разными страшными зверями и гадами, так что по боязни никто не решается на ходьбу туда. Это образ забытой монахами «художественной» молитвы. Вот вы дерзнули и попробовали «художественную» молитву. Этим путем дошли до Керашей (местность на Афоне под вершиной Афона, от Карули два часа ходу). Теперь по знакомому пути легко дойдете до того, а дальше с осторожностью, «ощупкой», потихоньку пойдете и так весь путь совершите и исцелитесь от болезни своей».

Принял Старец мой совет и начал опять занятие Иисусовой молитвой, но не сразу художественно, а по «Страннику»: считать четки...

Схимонах Никодим

МОЛИТВЕННЫЙ ДНЕВНИК СТАРЦА ФЕОДОСИЯ КАРУЛЬСКОГО

20 июля 1937 г.

Слава Богу. Со дня памяти Св. Пророка Божия Илии снова начал свой молитвенный труд «умной молитвою Иисусовою», часто мною начинавшейся и по моей немощи прекращавшейся. За молитвы Пресвятыя Богородицы, святого славного Пророка Илии и всех святых помози ми, Господи Иисусе Христе. Аминь.

В продолжение суток, с вечера 20-го числа до вечера 21-го, с понедельника на вторник, выполнял свое первоначальное правило суточное: 100 четок или 10 000 молитв Иисусовых попеременно, то одною половиною всей полной молитвы, т. е. «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя», то другою половиною «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя» — в различном положении телесном: стоя и сидя, и ходя. После каждых 20 четок отдыхал ночью 4—5 часов, а днем — 1 час и полчаса. При медленном произнесении молитвы старался каждое слово произнести словом или умом со вниманием, заключая ум в слова молитвы. Ум в продолжение молитвы иногда рассеивался и даже на минуту забывался, но опять заключался в слова молитвы. Молитва шла иногда претрудно, а иногда легко от навыка-повторения, особенно, когда сердце, хотя мало, ощутит присутствие Божие — Господа Иисуса Христа в произносимом устами или одним умом Его Всесвятом Имени. Душа моя теперь довольна и первоначальную немощную свою молитвою, что занята молитвенным трудом «единым на потребу» и получает от него покой от помыслов различных греховных и суетных, и в таком мирном (устроении) сравнительно с прежней рассеянностью помыслов, желал бы встретить смертный час, память о котором соединял я с непрестанной молитвою, как и вспоминание своих грехов. Когда душа и тело утомлялись от непрестанного молитвенного труда, то сердце располагалось к сокрушению и умилению, но я не уделял пока сему особенного внимания и не останавливался сердцем на нем,

чтобы незаметно не рассеяться помыслами, а продолжал более внимательно умом словам молитвы, особенно святому и сладчайшему Божественному имени Спасителю.

22 июля

С навыком правило совершается легче. Но при легком совершении правила требуется большее внимание ума, чтобы он не рассеивался, ибо тогда незаметно вкрадывается поспешность при повторении умнословесной молитовки. Для поддержания внимания надо останавливаться при каждом новом зернышке-версточке, передыхая по совершении каждой молитовки. В конце правила ум уже утомляется и не в силах делается ко вниманию отдельно ко всякому делу молитвенному, тогда достаточно для него вообще памяти Божией — веры в присутствие Христа Спасителя во святом имени Его, как это бывает при псалмопении. Когда правило исполняется нетрудно и мир помыслов бывает, то враг завистливый, чтобы осквернить молитву, действует на ум и сердце тонкими прилогами тщеславия и высокоумия, если душа во время молитвы оставит память о греховности своей и о смертном часе. Если этим внутренним искушением, при бодрости ума и ненависти сердца ко всему греховному, не достигнет враг своей лукавой цели, тогда он старается смутить душу чрез внешние искушения при встрече с людьми душевно неустроенными и при различных затруднительных обстоятельствах. Сохранение в этом случае спокойствия духа с упованием на Бога и преданием себя Его святой воле и трезвение с молитвою побеждает и это вражие искушение.

23 июля

Пришлось победиться гневливостью в обращении с братом: сам смутился и его смутил; но вскоре и попросились. По уходе его начали смущать неприязненные помыслы против него, так что от смущения стал терять и дерзновение продолжать молитву, как уже впадший в большой грех. Ученик напомнил скорее браться за молитву, и взялся опять за нее. Припомнился рассказ в Прологе о том, как некий инок, падший грехом плотским с женою, мужеством победил вражие отчаяние, отвечая на помыслы отчаяния: «Я не согрешил». Об этом известил Бог другого, жившего близ него, пустытника. Вразумленный сим рассказом и я, изгоняя память о происшедшем смущении, какое с разными неприязненными мыслями и чувствами продолжал наносить

враг и во время молитвы, при помощи Божией скоро восстановил свой мир душевный: стал потом укорять не брата, а себя самого и жалеть его в происшедшем между нами смущении. Слава Богу, явно помогающему нам в молитвенном подвиге в борьбе с завистником нашим, врагом.

24 июля

С большим все навыком к постоянной молитве все более изощряется и устанавливается внимание ума к словам молитвы и ощущается в них присутствие Божие, проявляемое чувством сокрушения и умиления. А вместе с сими сердечными чувствами и ум все более и более приближается к сердцу — вместилищу и органу их.

25 июля

В сей день, сверх ожидания, по побуждению ученика не оставлять и в трудностях правила молитвенного, исполнил все свое положенное правило 10 000 молитв, вместе со служением Божественной Литургии и требо-исправлением — причащением больного брата в его келии, потребовавшим около трех часов. Когда, при помощи Божией, внимание ума установится и чувство ума пробудится, тогда и молитвенное правило совершается легче и во времени успешнее, не принося, однако, ущерба качеству молитвы, вниманию и чувству.

26 июля

Посетил гость — знакомый благодетель, обительский монах. Разговор с братом о неустройстве обительской жизни и, более того, о делах мирских, которыми заняты мысль и чувства посетителя, затрудняет блюсти собранное в предыдущее уединение трезвение и молитвенное настроение. Боишься и Бога оскорбить невольным как бы невниманием к Нему во время беседы, ради суетной во многом беседы, не относящейся к «единому на потребу». Боишься, с другой стороны, и ближнего смутить как бы безучастием к беседе с ним, что выражается и в лице, и в тоне речи, и от тонкого наблюдателя собеседника не укрывается. Однако по окончании вынужденной беседы опять скоро возвращается прежнее молитвенное настроение, когда сам добровольно не увлекался ею.

27 июля

За молитвы Святаго Великомученика Пантелеимона, память которого сегодня празднуется, Господь сподобил и Литургию отслужить, и молитвенное правило свое исполнить. Во время Литургии почувствовал благодатное присутствие святаго великомученика, святые мощи которого в престоле нашей, освященной архиереем, церкви. Также милость Божия ощутительно восчувствовалась в сердце по усердной моей молитве к великомученику, как бы извещение некое божественное и прощение Господом прежде бывших доселе моих грехов. В сердце водворился глубокий мир Божий. Смирение, сознание своего духовного убожества, горестное сознание своей греховности с рабским страхом претворилось в радостную «печаль по Бозе» — жалость больше о том, что своими грехами оскорбил Тебя милосерднаго Спасителя моего. Помоги мне, Господи, всегда хранить эту радостотворную печаль о Господе и бояться лишиться этого драгоценного для кающихся грешников дара великого неизреченного милосердия Твоего и человеколюбия.

28 июля

На прощание гость прочитал выписки из Номоканона (кажется, игумена Глинской пустыни Филарета) о строгости правил общежительной обительской жизни, с одной стороны, а с другой — многие большие нарушения их в обителях, и сим он много соблазнялся и недоумевал, как и спастися теперь в обителях. Закрывать глаза от истины строгости правил нельзя, ибо они — каноны Вселенских и Поместных Соборов и частных свв. отцов Церкви — выражение святой воли Божией, и с легкомыслием, с каким они нарушаются иноками, нельзя извинять слабости жизни нынешней. Правду нужно сказать, чтобы не оправдался от дел закона никто из нас, иноков. Нам грозит неминуемый суд и наказание, но отчаиваться по сему одному не нужно. Есть убежище для нас — покаяние, если будем искренне осуждать себя и каяться с сокрушением во грехах и слабостях своих, по сем исправляться, то получим помилование по бесконечному милосердию Божию. Самая строгость закона побуждает идти в это убежище. В строгости закона тайно действует милость Божия, спасающая грешного человека страхом.

Итак, при взгляде на современную нашу жизнь, требуется покаянный плач о себе и о ближних наших, подобных нам грешникам, смирение, уничижение себя самого и сострадание к ближним, а не фарисейский соблазн и жестокое осуждение

грешников, которые могут быть евангельскими мытарями, оправдываемыми неведомым нам судом Божиим, паче фарисеева. В подвиге молитвенном особенно нужно памятовать притчу Христову о мытаре и фарисее и держать в сердце внушаемое ею христианское чувство смирения и не осуждать ближних. При молитве умносердечной, когда она углубляется внутрь сердца, ум чистый от помыслов просветляется, тонко начинает уразумевать божественные истины священного откровения, печатлеемые в сердце Божией благодатью; довольствуйся тем, что печатлеет на сердце благодать Божия, не углубляйся в это самодеятельно умом в созерцание и разумение сих тайн, когда ум твой не очищен от помыслов человеческих. И берегись в это время тонкого, незаметного высокоумия, которое обнаруживается начинающимся тонким внутренним каким-то смущением сердца. Это знак, что начинаешь из области света и мира вступать в противоположную область тьмы и смущения вражия.

29 июля

По отбытии гостя стало спокойнее на душе. Но покой сей ослабил внимание ума и чувства к Богу, бывших в тесных внутренних прежде обстоятельствах. Так духовное внутреннее дело Божие спеется более и крепнет в попускаемых внутренних подвигах и борениях, чем во всегдашнем покое: «Кто не в борении и подвиге, тот в прелести» (Епископ Феофан Затворник).

30 июля

А вот приспел и новый подвиг и борение: погонщики мулов перевозить начали груз с моря наверх мимо нашей калибы и моего помещения. Сначала не возмущался шумом и гиканием, и звонками, и подпольным гулом от проходивших мимо мулов по подпольной скале. В молитве Бог подавал духовное рассуждение к успокоению сердца. Воспоминался и преподобный Макарий (Египетский), прежде бывший погонщиком ослов, и преподобный Андрей Христа ради юродивый, среди шума царьградского на улице соблюдавший внимание и постоянную молитву к Богу, и другие Христа ради юродивые, хранившие внутреннее безмолвие среди шума городской жизни. Припоминалось из жизни святых, как бесы и во сне не давали покоя некоторым святым своими мечтательными страхованиями и явными нападениями. Когда это духовное рассуждение держалось внутри

своей души, оно имело силу успокоительную от шума и молвы; а когда оно открыто было другому (может быть, самодовольством и тщеславием), оно потеряло свою прежнюю благотворную для спокойствия сердца силу и явилось уже нетерпение, потом и смущение. На монаха-старца-муларщика сначала смотрел как на преподобного Макария, а потом готов уже был считать его неистовым бесноватым, пока не одумался и не увидел здесь вражiego искушения, попущенного для смирения. (Тайные брани и защищения не всегда и не всем нужно открывать, чтобы не потщеславиться по немощи и не дать врагу повода к большому нападению.)

31 июля

Два дня совершал молитву Иисусову полную: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного. Чтобы внимать каждому слову полной молитвы требовалось больше времени и напряжения ума, для исполнения положенного правила, с ущербом для чувства сердечного. С охлаждением же от непосильного труда чувства сердечного в непрестанной молитве стало ослабевать и внимание к словам молитвы, и духовное дело молитвы переходило по временам в дело механическое — совершение правила с забвением и сухостию. После порассудил паки держаться, как вначале, половинной молитвы, со вниманием особым к качеству молитвы: светлости ума и живости сердца.

1 августа

Вот уже десять дней миновало моего молитвенного труда. Внешний порядок наладился: с вечера, после ужина, 20 четок (2 000 молитв); на утрени столько же (после четырехчасового ночного отдыха); после чая утреннего до обеда — столько же; (после часового отдыха) после обеда столько же и, наконец, за вечерню — столько же до ужина. Правило совершал в разном положении тела: по три четки и сидя, и стоя, и ходя. Поклоны малые совершал стоя по три четки. На каждые 10 четок (1 000 молитв) испробовал и полную и сокращенную молитву. В конце остановился на сокращенной, более удобной по немощи моей, первоначальной для внимательного совершения правила. Правило успевал совершать и в те дни, когда совершал Литургию, и когда отвлекаем был посетителями. С учеником же только занимался беседою во время трапезы, или кратко, по разной надобности, в продолжение суток. Для чтения или для друго-

го какого-либо занятия (напр., писания) не осталось времени. Слава Богу, что словесной молитвы непрестанной (хотя и не всегда одинаково внимательной) навык: когда не было какого-либо постороннего развлечения. И после перерыва во время какого-либо развлечения, снова восстанавливалась, при напряжении внимания, постоянная непрестанная молитва, которую при помощи Божией охранялось трезвение ума и прогонялись происходившие вышеуказанные смущения сердечные, каково произошло и еще.

2 августа

По слову Христову: «Враги человеку домашние его» и еще более чувствительно переживаются искушения, чем со стороны внешних, с которыми у нас более слабые узы. Произошло смущение после Литургии по моему невниманию — оставление молитвы внутренней и по поводу непослушания ученика, вызвавшего у меня гневливое чувство негодования. Но, благодарение Богу, молитвою после чая восстановил свое спокойствие сердечное, сознав свою оплошность, извинил ученика — немощного послушника. Покаялся и он в своем непослушании, и прежний мир домашний восстановился. Все попускает Бог для нашего смирения и большего над собою бодрствования, ибо враг «яко лев рыкая ходит иский кого поглотити».

К вечеру того же дня нашла новая буря помыслов: брат, служивший другому брату больному, утомившись служением, просил освободить его от сего. И вот заботливые помыслы: кого назначить и долго ли продолжится такой уход за больным в нашей пустынной жизни, где каждому до себя только. Заботливые помыслы, как волос в глазу, смущают умное око и препятствуют молитве не менее яростных помыслов. Много раз ум во время молитвы отклонялся к предмету заботы. Но усиленное внимание а, главное, предание всего в волю Божию, промысляющую о нас, успокоило смутившееся прежде всего излишними заботливыми помыслами сердце, и чистота ума, необходимая для молитвы, опять восстановилась и после на другой день.

3 августа

Удалились при Божией помощи недоуменные обстоятельства мысли, хотя отвлекались ко вчерашнему, но сравнительно слабее и не часто возникали для нее новые предметы заботы о причастниках Святых Христовых Таин в предстоящий праздник

Преображения Господня, но и этих предметов решения я, с упованием на милость Божию, отложил до самой исповеди их; тогда дастся, что подобает глаголати и творити для спасения ближних, ибо смирение и снисхождение к немощам ближних. Смирение и любовь — начало и конец христианской духовной жизни и такое настроение души всегдашнее — необходимейшее условие для успеха, в частности, в молитвенном подвиге.

4 августа

После вышеупомянутых смущений гневом и заботливостью, молитва шла с рассеянностью ума и хладностию сердца — более только словесная. Это привело к невольному смирению, а за смирением последовала и милость Божия: ожил дух, сердце умилилось и просветлел ум и стал бодр ко внутреннему вниманию. Хотя бы правило исполнялось неопустительно, и словесная молитва не прерывалась, но это еще не молитва, а только внешнее выражение ее. Чтобы не остановиться на сем подвиге, нужно всегда помнить, что молитва есть дыхание души, живая беседа ее с Богом — Христом Спасителем. «Сладчайшее Имя Его да будет тебе вместо Него Самого» (о. Ин. Ир.), а посему и слова молитвы, особенно имена Господа, Спасителя, должно произносить с особенным благоговением, и тогда из него, как из сосуда, будешь черпать «живую воду», текущую в жизнь вечную. К вечеру снова враг по невнимательности моей хотел смутить сердце по поводу ухода за больным. Но скоро очнулся, и покой сердца восстановился в молитве.

5 августа (День моего пострига в схиму)

Слава Богу, упование на Господа не посрамляет: озаботившие мой ум и сердце помыслы о больном и об исповедниках и причастниках не произвели своего смущающего действия: и больному нашелся услуживающий, вместо отказавшегося, и исповедь прошла мирно. Теперь будем готовиться к светлому празднику Христова Преображения: да воссияет и нам грешным свет Его присносущный молитвами Богородицы, и да обновятся в душе моей чувства покаяния и пострижения в схиму, которая есть образ сугубого покаяния с умерщвлением миру и молитвы не только о себе, но и о всем мире. Схимник — всегдашний неусыпный молитвенник к Богу, в каковом подвиге более всего выражается умерщвление миру для жизни во едином Боге. С наступающего праздника мы со своим спутником положили мне

начать заниматься «художественною» молитвою. Для сего после вечерни, пред ужином, прочитали подходящее учение из Никифора уединенника в Добротолюбии. Но при чтении произошло искушение: мой сожитель, читавший Добротолюбие, по какому-то моему замечанию ему во время чтения, зазрел меня в подозрительности, а потом и строгий суд высказал на мою частую гневливость и нетерпеливость, и по одному недавнему, припомненному им случаю моей вспышки нетерпеливости по поводу его медлительности в исполнении своего приказанья, и, тогда же, как заметил он, увидел ясно, что молитва мне не дается, как страдающему гневливостью и вообще строгостию и жестокостию к ближним, и советовал мне, в противоположность тому, иметь простоту.

Я вполне принимал его обличение и совет. Но видя резкость его суждения о моей страсти и непостоянство в суждении — то он поощрял меня на умную и даже «художественную» молитву, то вдруг резко и решительно высказывает безнадежность и неспособность меня к ней, — тоже стал сомневаться в себе, сознавая свою опасную страсть, и в нем, за то, что он — и сам неопытный и новоначальный в деле умной молитвы (а только начитанный) — из чина советника и спутника выступает диктатором совести и предводителем моим, что и для него не полезно, хотя бы он и мог быть полезным мне своими замечаниями, как близкий мне; при такой же самонадеянности его, я не мог довериться ему, как незаблудному учителю, орудию Божия Промысла, Который действует только через смиренных. «Идеже два или три вас совещаеся о какой-либо вещи или собраны во имя Мое, то будет им от Бога, или Я посреде их». При совещании только двух или трех под руководством Господа, а не при своенужии и любоначалии, спеется благое дело Божие. Власть, с одной стороны, и послушание, с другой, правильно и благоплодно действуют только в отношении начальника и подчиненного или старца и ученика, а не в отношении равных спутников-советников в общем предпринятом деле Божиим, тем более не в отношении ученика к старцу. Итак, я оставил «художественную» молитву, как несвоевременную для меня, а стал продолжать по-прежнему простую с упованием на милость Божию.

6 августа

Бдение прошло в обычной молитве Иисусовой. Под конец правила, когда обратился в молитве ко Пресвятой Богородице, чувство умиления исполнило сердце, как будто я соскучился, не призывая как прежде обычно в молитве Пресвятую Богородицу

и святых, а довольствовался теперь во всем молитвенном правиле одною молитвою Иисусовою. Если и святые великие молитвенники, таинники Божии призывали в молитвах Пресвятую Богородицу и святых угодников Божиих, как друзей и слуг Божиих, тем более и мы, немощные и грешные, нуждаемся в ходатайстве за нас святых Божиих при молитве Иисусовой и не забывать совершенно о них, особенно Пресвятую Владычицу Богородицу. Посему-то и Преп. Серафим Саровский, как сам творил, так и других учил творить после обеда молитву Иисусову с прибавлением: «Богородицею помилуй нас».

И при Божественной праздничной Литургии сподобил Господь умиления, а также вечером, при окончании молитвенного правила. Чувство умиления, исполняющее сердце, без особого художества может показать место сердечное и служить простым, естественным (а не искусственно-художественным) и благодатным способом вхождения в него и пребывания в нем. Этим способом благодать Божия учит простых и усердных молитвенников истинной умной молитве (Св. Максим Капсокалитит), хотя, может быть, и не так скоро, как вместе с художественным способом, предлагаемым святыми отцами в Добротолюбии, особенно под руководством опытного наставника.

Днем мой сожитель опять начал дело о «художественной» молитве (такова его ревность о ней). Для памяти дал мне выписку из Св. Григория Синаита в Добротолюбии: «Истинное начало молитвы есть: 1) сердечная теплота, пополаяющая страсти, 2) отраду и радость вселяющая в сердце непоколебимым возлюблением и 3) утверждающая сердце несомненным удостоверением. Все приходящее в душу, говорят святые отцы, чувственное ли то, или духовное, коль скоро сомневается в нем сердце, не приемлю его, несть от Бога, но послано от врага. Эту выписку я понял как рецепт на вчерашнее мое сомнение и малодушие, какое произвела на меня вчерашняя нами начатая беседа по прочтении из Никифора уединенника о «художественной» молитве. Размышляя по поводу сей данной мне сожителем для напоминания выписки из Преп. Григория Синаита, я думал, что Преп. Григорий говорит о начале истинной, т. е. совершенной духовной молитвы, которая действительно начинается с теплоты сердечной и возбуждается и продолжается радостью и прочие плоды благодатные; а не о той новоначальной, к какой мы приступаем с покаянием и сокрушением и с целью побеждения страстей. Иначе мы, еще страстные, совсем не должны и приступать к сей молитве — умносердечной. О сем подробно рассуждается в житии Блаж. Паисия Величковского (собственно у сотрудника его Василия Поляномерульского). Равно и выписку о «сомнении и удостоверении сердца мой сподвижник, как мне

кажется, должен бы смиренно приложить как рецепт к себе, что вел вчерашнюю беседу не в духе Божиим, а, как я заметил уже, самонадеянно, с ревностью не по разуму, а потому его строгое суждение и осуждение моей неспособности к умносердечной молитве породило во мне сомнение и малодушие. Вечером он опять начал беседу об умной молитве. Я, хотя и не желал (ибо смущался немного за его настроение), но высказал ему только что записанное мною свое мнение по поводу вчерашней беседы нашей, но в самооправдание, что будто он говорил о неспособности моей к совершенной, а не вообще умносердечной, «художественной» молитве, не принял со смирением моих замечаний, и мы оба решили, что мы не готовы к молитве умносердечной «художественной», а должны только плакать о грехах своих в покаянии новоначальной молитвы. И порешил я продолжать начатый уже способ умносердечной молитвы, в дальнейшем уповая на милость Божию, ибо молитва, по Лествичнику, есть уже уменьшение раздражительности (слово 28), и с тем мы распростились и пошли ко сну ночному с чувством малого неудовольствия сердечного о таком исходе нашей беседы.

7 августа

При первом пробуждении от ночного сна меня немного зазрела совесть. Напоследок вчерашней вечерней нашей беседы мой собеседник заключил: «Теперь я ничего не буду говорить и навязываться со своими наставлениями, а буду говорить, когда спросят меня». Но я на это ответил: «Не о чем теперь уже спрашивать». На это он, смирившись, умолчал, а мне бы по смирению надо бы и за это его поблагодарить и все-таки я имел бы с кем проверять себя, а там дело опять наладилось бы. Но я, однако, для приучения своего ученика к смирению, для пользы его, удержался от полезного мне извинения пред ним, думая и наперед пользоваться его замечаниями при всяком случае. День этот прошел не в такой же внимательной, как прежде, молитве. Мысль часто возвращалась к предмету предыдущих несогласных бесед, а чрез то и к другим предметам попечительности. Это заметно было и для моего сожителя, и он по своей ревности не утерпел заметить мне: «Забыли, Батюшка, свои тысячи» (т. е. молитвы). Я же, приготовившись принимать его замечания для пользы своей, с охотой сознался пред ним в своем развлечении и просил прощения, и он остался, как заметно было, доволен сим моим признанием, и дело пошло, слава Богу, как будто наладилось по-прежнему. И правило свое докончил со вниманием и на другой день.

8 августа

Все правило свое кончил к заходу солнца, хотя четыре часа потратил на принятие посетителя и приготовление обеда вместо брата (ученика), ушедшего в лес за дровами и проходившего 10 часов. Сегодня память Св. Григория Синаита аскетического об умной молитве писателя, его же молитвами да сподобит Господь и нас своего преуспеяния в ней.

9 августа

Вчера пришедший гость еще отнял у меня на беседу с собою часа три. Много говорил за себя, и мне пришлось более слушать и только изредка отвечать. С многоговорливым, о духовном однако, гостем надо более предоставлять ему говорить, чтобы не оскорбить его, а самому в это время не внимать много его беседе, молиться тайно и за себя и за него, и Господь Сам положит на сердце его прекратить беседу, когда она не нужна и праздна становится. После, отпустив его с обоюдным миром, легко можем перейти к своему молитвенному подвигу. Однако после беседы на вечернем, после ужина, правило ослабел и душевно, и телесно. «Тяготы друг друга носите».

10 августа

На утреннем правиле, во время молитвы, пришел помысл: какого чувства мне должно держаться в покаянной моей молитве, ибо она по виду и состоянию кающегося разнообразна и св. отцами разно указывается. Тогда я в помысле помолился, чтобы Господь Иисус Христос Сам Своею благодатью напечатлел то чувство покаянное, какого я преимущественно должен искать от Бога, и получивши — хранить. И чрез несколько минут пережил снова то чувство, которое испытал и записано мною на день Св. Великомученика Пантелеимона. Это чувство умиления — «печаль по Боге», — что своими грехами оскорбил Милосердного Господа Спасителя. Это, вероятно, то, о чем говорит вышеприведенная выписка из Григория Синаита об истинном начале молитвы (см. 6 авг.): «Истинное начало молитвы есть сердечная теплота» и прочее. Но при сем радостном плаче не должно забывать и страх Божий, свою греховную срамоту, опасность падения, память смерти, муку вечную, особенно когда борются помыслы тщеславия и высокоумия, к которым я, многогрешный, особенно склонен, это низшее чувство «страха сыновья-

го» — боязнь лишиться милости Божией отеческой. При воспоминании своей греховной нечистоты, должно избегать подробного в воображении плотских грехов, чтобы не обновлять ощущения их в сердце, не огражденном всегда страхом Божиим; или при живом чувстве страха Божия и в то же время своей греховности не впадать в чувство нечаяния-безнадежия, сопровождающегося тяжелым чувством смущения, погубляющим молитву и приводящим к смерти душевной. От сего ли сохранит нас Господь, подкрепляющий в минуты глубокого сознания своей греховности. Гордость и высокоумие причина, с нашей стороны, в таковых тяжелых искушениях, смирение же избегает их.

11 августа

Слава Богу. И правило свое молитвенное исполнил, и в запасе лишних 2 000 молитв собралось. Это пойдет в дни, в которые по непредвиденным случаям не будет выполнено все ежедневное правило. Или это пойдет за моего ученика, прочих чад духовных, за родственников и благодетелей. В часе, когда Бог даст молитвенное умиление, не спеши в то время поминать имена, чтобы перечислением имен не развлечься и не лишиться умиления. В это время Господь приемлет и одно твое воспоминание о всех, или без твоего воспоминания помянет прежнее твое поименное поминовение, ибо за Богом молитва не пропадает, как за царем служба (по пословице).

12 августа

При умиленной молитве не отвлекай внимания своего от слов молитвенных к какому-либо внешнему образу или иконе Христовой. Пусть внутренний образ Господа, напечатленный благодатию Божией в умиленной молитве неразрывно связан будет с именем Господа Иисуса Христа как со своею умною иконою. Тогда, при всяком воспоминании имени Христова, будут пробуждаться живые чувства веры и любви к Спасителю, подобно тому, как при взгляде на фотографическую карточку любимого лица или простого воспоминания о нем, пробуждаются в душе нашей и соответственные чувства к нему. Связывать чувства свои веры и любви ко Господу с именами Его безопасно; (надо) держать ум и сердце в области внутренней — духовной и не попускать переходить им в область внешнюю — мечтательную, как это бывает при воззрении на икону и при представлении внешнего образа Христова (1-й род молитвы по Преп. Симеону Новому Богослову).

13 августа

Среди прошедшего дня, при объяснении с одним братом, поздно возвратившимся с работ к концу Успенского поста, произошло малое некое неудовольствие с моей и его стороны. Он желал причаститься в день Успения Пресвятыя Богородицы, а для лучшего приготовления его ко Св. Причащению, после долгой отлучки, советовал ему отложить до следующей субботы. Он сначала согласился, а потом слышу со стороны стал роптать на меня. Думаешь полечить человека, сделать для душевной пользы его лучше, а он, не разумея того, в самооправдании исполнить свою волю, получает от того еще большую рану. Как трудно приходится духовнику с такими немощными братьями; недоумевает, что лучше делать для его спасения и собственного мира душевного, без которого невозможно держать постоянную молитву. Помози, Господи, вразуми как поступить. Сам устрой во благо наше. От сего некоего смущения и вечернее и утреннее правило молитвенное совершалось рассеянно; мысль отвлекалась к прошедшему. Но благодарение Господу Спасителю, во время часов посетила минута умиления, мир восстановился в надежде на дальнейшее вразумление Божие, и совесть стала мирна, что в происшедшем я не оскорбил много Господа и не лишился еще Его милости.

14 августа

После Литургии и исповеди. Слава Богу, по милости Божией Матери, исповедь братии совершалась мирно. Завтра праздник Ее, а сегодня бдение. Много человек противится очевидной воле Божией примириться с наставляющим его о Господе по духовному своему неведению, которое, в свою очередь, происходит от нерадивой нашей христианской монашеской жизни, от небрежения заповедей Евангельских и святоотеческих. Требуется духовнику вразумлять бесчинных, и тогда они легче примут духовнические требования, видя их законность и полезность для себя. Но для сего духовнику потребно терпение и снисхождение к немощам человеческим и сострадание, а не негодование к грешникам, почему он называется отцем духовным, что муками страданий своих за них пробуждает и питает в них жизнь духовную. Тогда и молитва его за них искренняя, дерзновенна и благоприятна пред Богом. Исполнить свой долг пастырский он в мире совести может своею внутреннею безмолвною жизнью, т. е. молитвою. Молитва же чад его духовных за него помогает ему преуспевать в том по милости Божией.

А вот вначале еще, перед бдением, встретилось немалое искушение: брат по своей вине (непослушания), оставшийся ходить ко мне на исповедь, требовал (а не просил со смирением) причастить его. Видя раздражение в нем, я отклонил его. И все бдение прошло благополучно. В конце же брат тот с большой настойчивостью и дерзостью требовал от меня причастить его, и, несмотря на мои добрые убеждения отложить причастие до будущего объяснения, он, не послушав меня, продолжал (в сильном раздражении) требовать, и тем произвел во мне смущение. Смущенный я все время после бдения до Литургии не мог заснуть. Молитва прерывалась помыслами смущения, как бы брат тот во время самого причащения не произвел еще большего смущения. Во избежание сего, по малодушию своему, я на время даже принял помысл оставить Литургию. Но потом, хотя и изнемог телесно и духовно, но в уповании на милость Божию и Царицы Небесной — виновницы празднества — решился служить и отслужил, сверх чаяния, при очевидной помощи Божией Литургию мирно, приобщил братию, сходил еще приобщить больного брата. Произведший смущение брат, вразумленный некоторыми из братьев, пришел только к антидору. Возблагодарил я Господа Спасителя и Его Пречистую Матерь, однако воспоминание о происшедшем в беседе с учеником и недоумение, как наперед поступить с тем братом расстроенным, чтобы избежать дальнейших искушений, — все это перебивало молитву и не давало мне достаточно и спокойно отдохнуть после моих трудов, трудов бденных. Слава (Богу) Господу, смиряющему нас подобными искушениями, да не превозносимся. Как дорого в подобных искушениях сочувствие от кого-либо понимающего твое душевное трудное состояние, и тяжело в это время оставаться без понимающего тебя и без участия. Враг влагает в этом случае помысл нечаяния, якобы оставления от Бога. В эти минуты духовного одиночества надо утвердиться упованием на единого Господа Спасителя, без благой воли Которого ничего не совершается с нами. Ни тварь какая видимая, ни бесы, ни враги невидимые не могут без поущения Божия вредить нам. Видя всегдашнее в брани заступление Божие, надо мужественно отвечать врагам на помыслы их отчаяния: «Аще паки возможете, паки побеждени будете». Господа Бога нашего освятим, призывая Его всеильное Имя в молитве, и Той будет нам в страхе. «Страха же вашего не убоимся ниже смутимся, яко с нами Бог». Поведал, призвав имя Господне, свои чувства своему дневнику и получил от него ответ на них. Прояснился взор ума на происшедшее искушение. По написании сих строк помолился и

надменное пережитыми мыслями и чувствами сердце в сокрушении смирилось. Прилегал отдохнуть немного, и чрез несколько минут почувствовал, что ощущавшийся доселе и в сердце, и во всем теле жарок, вроде нервной лихорадки, вдруг сменился «хладом тонким» и во всем сердце, и во всем теле сердечное биение и дыхание стало ровным и спокойным, и молитва моя, прежде понуждаемая усилием, (пошла) теперь обычно ровно и легко, и все тревожные пережитые помыслы и чувства отошли, и мой прежний видимый возмутитель без влияния врага стал бессознательным, невольным в руках Промысла Божия моим благодетелем, заслуживающим с моей стороны сожаления и молитвы за него.

16 августа

После Литургии до обеда время прошло обычно. Вечером же сегодня и поутру следующего 17 августа беседовал с учеником о прочтенном в Добротолубии у Феополита Филадельфийского определении существа молитвы: «Когда ум, словно и дух припадают к Богу, первый — вниманием, второй — призыванием, третий — умилением, тогда весь внутренний человек службу совершает Богу как заповедует Господь: «Возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего» и прочее (Лк. 10, 27). А после обеда, ради отдыха от молитвенного подвига, прочитавши вместе с учеником из жития преп. Максима Исповедника, излагали в сокращении его опровержение монофелитской ереси.

18 августа

Во время утреннего правила помысл отвлекался к прошедшему (15 авг.) смущению: не погрешил ли я в чем тогда. Во время часов сподобился умиления и, проверяя в те минуты свою совесть, я нашел ее мирною, кроме немощи моей, заметно не погрешившей ни против Бога, ни против ближнего — брата, давшего повод к смущению. Без такого молитвенного извещения одним обсуждением не всегда успокаиваешь свою совесть, без чего трудно продолжать молитвенный подвиг, враг смущает то помыслами ревности, строгости в деле Божиим, то снисхождения и милосердия к ближнему.

В молитвенном же извещении те и другие помыслы примиряются по Писанию: «Милость и истина сретостеса, правда и мир облобызастеса». Так как при моем не малом молитвенном правиле почти всегда недоставало мне времени для чтения

приличных моему настроению книг и к продолжению написанных мною, почти за полгода сокращенных (по Четьи Минеям Св. Димитрия Ростовского) Житий Святых, то правило свое я, с совета сожителя, сократил на 2 000 молитв или 20 четок, по времени около двух часов. И правило молитвенное отселе я буду совершать, несмотря на количество молитв или четок, а на время, какое требуется для совершения их, и это для того, чтобы иногда, гоняясь за количеством положенных молитв, не поспешить в ущерб качеству молитвы; при наблюдении же одного времени (избежать) легче этой нашей человеческой немощи — предпочтения количества молитв качеству их.

19 августа

На рукописании у преп. Сергия Радонежского иногда пишется: «Молю вас, братие, прежде всего имейте страх Божий и чистоту душевную и телесную». Проходящему молитвенный подвиг должно быть особенно внимательну в обращении с своим телом, и во время исправления необходимых потребностей телесных хранить свое зрение и осязание. Некоторое небрежение в этом случае немного смутило мою совесть и на время лишило дерзновения в молитве, но, ощутив в молитве ходатайство и заступление матерняго милосердия Пресвятыя Богородицы, я успокоился в совести и стал продолжать свое молитвенное правило с прежним спокойствием и дерзованием.

Как необходим молящемуся мир совести. Вмешательство в какую-либо работу другого и особенно повеление рассеивает внимание и охлаждает сердце к молитвенному делу. Будь равнодушен и безучастен в этом отношении, если не просят о помощи, и сохранишь мир собственный и другого. Оставление молитвы без особенной нужды и на краткое время вредно для нея: «Непрестанно молитесь».

20 августа

После продолжительного развлечения мыслью и забвения Бога последует и долговременная сухость в молитве. Только после смирения и усиленного сокрушения своего сердца приходит сладостное умиление в душу, как дождь на высохшую долговременную засухой землю. Эти оба состояния испытал сегодня, когда время после часов и утреннего чая употребил до обеда на дела не весьма необходимые.

Вот и месяц прошел моего молитвенного труда. Что приобрел? На это трудно ответить, потому что, где увидишь свое убожество, там неожиданно последует за смирением и сокрушением милость Божия, поддерживающая нашу немощь и сохраняющая нас от чувства безнадежия, а где увидишь кажущееся преуспеяние, там за самодовольство и самонадеянность следует лишение благодати Божией, смиряющее нас и предохраняющее на будущее время от возношения и неминуемой за ним прелести. Одно только чувство: слава Богу и за малое приобретаемое при помощи Божией. Первое — сознание своей немощи и страстности душевной: при малейшем ослаблении внимания ум скоро уклоняется не в прямо грубогреховные, каковы нечистые и неприязненные помыслы, но больше всего в суетные. Второе — искреннее благодарение Господу, как Он всегда готов помогать нам в самонужнейшем нашем деле спасения — молитве, едином на потребу всем христианам, особенно нам, монахам, «что касается собственно молитвенного делания», и в этом Господь помог. Правилу постоянного повторения молитвы Иисусовой, первоначальному механическому навыку, привыкнув с усиленным трудом в одну седмицу, при внимании легко исполнял все время. Внимание, требующее особенного напряжения душевного, не всегда легко сохранялось, особенно когда в каком-либо из вышеописанных искушений терялся мир сердечный. Чувство же сердечного умиления, порождаемое чувством страха Божия или любви ко Господу, что необходимо для совершенства молитвы, — редкий гость, милостивый посетитель и утешитель, посылаемый мне от Господа более всего после искушений и моего невольного от них сокрушения, для поддержания моего малодушия и укрепления надежды на Господа Спасителя с преданностью Его святой воле.

Что касается молитвы «художественной», за это время я, по совету преосвященного Игнатия Брянчанинова, новоначальным, особенно не искал места сердечного, обращая больше внимания на внимательное, благоговейное призывание молитвы. Когда же «место сердечное» само собой определялось и ощущалось во время благодатного посещения умиления, тогда по совету другого преосвященного молитвенника Епископа Феофана Затворника, пребывая умом в сердце в указанном умилением месте сердечном, творил там умом молитву, пока не отойдет умиление и не прекратится ощущение опытом места сердечного. После же не искал сам художественно (искусственно), по указанию святых отцов Добротолюбия, места сердечного и не творил там «художественной» молитвы Иисусовой, чтобы несвоевременным и

ошибочным «своим деланием» без руководства наставника не усвоить неправильных приемов и не навредить себе в будущем, как бывает иногда, по описанию в Добротолюбии и других подобных писаниях.

22 августа

Исповедь прошла благополучно, только прискорбно было давать канон больному, страдавшему сужением горла, и пренебрежением в приеме пищи чрез невоздержание к вечеру пострадавшему рвотой, и другому брату, ухаживавшему за ним, по невниманию не употребившему настойчивости против невоздержания больного и еще подавшему ему соблазн приготовленную им для себя самого пищу. Как трудно врачевать каноном душевно и телесно больного, как соблюсти в этом случае приличную меру строгости правила и милости снисхождения к болезни, чтобы канон не нарушил меру той и другой, был душеполезен. Молитвенное же правило в сей день прошло обычно. После Литургии, благополучного причащения братии и после обеденного отдыха и беседы порешили со своим сожителем приступить, по истечении месяца, и к «художественному» совершению молитвы Иисусовой по Добротолюбию; ибо в этом уже начала ощущаться и естественная потребность моя к нему. Ознакомившись наперед через прочтение Добротолюбия с святоотеческими художественными приемами (искусственными) нахождения «сердечного места» и творения там Иисусовой молитвы, я, без особенного напряжения, иногда естественно переходил к ним при помощи вдыхания в себя воздуха, где оно остановится, определять место сердечное (Никифор Уединенник и Симеон Новый Богослов) и с дыханием соединять молитву, разделяя ее на две половины: вместе со вдыханием воздуха в себя произносить слова «Господи, Иисусе Христе», для заключения ума вместе с именем Господним в сердце, с выдыханием же воздуха из себя произносить слова «помилуй мя», обращая внимание к самому себе с сознанием своей греховности (Патр. Каллист Конст., Григорий Синаит). При этом, с переводением ума вниманием в сердце, туда же (для большей собранности) направлять умственно и очи телесные, напряженно наклонив голову к груди, туда же направляя и мышцы выи и рамен с болезненным напряжением (преп. Григорий Синаит). Делать опыты художественные присоветовали пока по одному часу в сутки.

Во время утрени, после часовой обычной молитвы, занимался час «художественной» с напряженным вниманием в сердце с направлением туда и мышц телесных чувств. В конце часового такого труда внимание стало более тонкое и сосредоточенное. Сначала место сердечное представлялось уму неопределенным — «землею безвидною и пустою», а затем в нем стало замечаться какое-то ощущение жизни телесной — движение органической (жизни), а затем душевный мир — покой приятный. В груди чувствовалась теплота от напряжения мышц и малая болезнь — усталость (ломота). Молитва же легко повторялась в сердце. Так и заснул для отдыха, после утрени, до Литургии.

После Литургии и обеда прочитывали остальных отцев молитвенников, по предмету, нас занимавшему, о пути (методе) схождения ума в сердце, обретения «места сердечного» и образа действия умной молитвы в сердце, и после сего на вечерне молился так же, как и на утрени.

24 августа

В сей день молился так трезвенно и напряженно, как в предыдущий день. Внимание во время «художественной» молитвы, кроме минутного по немощи забвения, развлекалось рассуждениями по поводу вечернего чтения и обсуждения недоуменных вопросов о художестве. По обычном совершении правила часов произошло малое столкновение между нами молитвенниками. Мой сомолитвенник без осторожности наскоро сотворил молитву, постучав в дверь вошел ко мне (не дождав-шись «аминь»), и тем смутил и спугал меня. Я ему сделал замечание, что хотим заниматься молитвою, и ты учишь меня ей, а поведение, приличное молитвенникам, не соблюдаем, и тем мешаем друг другу. На мое замечание он ответил, что так нельзя держать себя, что мы до того молитвою занимаемся, потому около нас — ни стукнуть, ни кликнуть. Я, хотя за его возражением мне признавал долю справедливости и мне полезного для упражненья в терпении, но для его смирения и чтобы впредь он не подавал, по невниманию к своему поведению, часто излишнего повода к смущению и размолвке, вредной для подвига молитвенного, во время чая убедил его откаяться от самооправдания и согласиться с моим первым ему замечанием: каждый образ жизни требует своего собственного приличного поведения, хотя и всегда должно нам упражняться в терпении неудобств и ношении тяготы друг друга, чтобы под благовидным предлогом

не быть раздражительным и совершенно неспособным к молитвенному, особенно «художественному» подвигу. После чая до обеда правило совершил, слава Богу, внимательно, и под конец остановился на покойном и мирном совершении молитвы сидя, однако, без отчетливого и раздельного внимания к каждому слову молитвы, как это было при этом вначале: с ощущением при вдыхании в себя воздуха, обращения внимания в первых словах молитвы ко Господу, а в последних к самому себе. Во время же поклонов с крестным знамением старался навязать крестное знамение творить во время произношения имени Господа, поклон уже после, с произношением «помилуй мя», чтобы крестное знамение не было одновременным и, как говорят, «не ломать креста». Часто ли при этом произносить слова молитвы, т. е. скоро ли творить молитву и соответственно ей (когда нужно бывает) и поклоны, об этом у разных писателей говорится разное: одни редко и благоговейно, как бы нараспев (Еп. Игнатий), другие выражаются «часто», без определения в смысле скорости или постоянства (Исихий Пресв.). Одни — «соедини молитву с дыханием», опять без определения в смысле «скорости» или «постоянства». Никодим Святогорец в «Невидимой брани» скорость молитвы Иисусовой сравнивает с обычным в беседе обращением нашим к собеседнику. А в «Рассказах странника» соединяется каждое слово молитвы с биением сердца, что по скорости подобно обычной речи.

Посему думается, что это последнее — средняя мера скорости Иисусовой молитвы. Соблюдать все эти приемы молитвы Иисусовой, и чтобы она была в это же время беседою ко Господу, очень трудно, между тем как и навык к этим приемам умносердечной молитвы большей частью узан святыми отцами-молитвенниками как естественное пособие для успеха в молитве, необходим в своей мере с нашей стороны как первоначальный навык к простой словесной молитве (по «Страннику») для последующей умной — внимательной.

При творении молитвы Иисусовой художественными приемами грудь болит мало — утомляется от согбенного в это время положения сердце, а может быть и легким внутри груди тяжело от задержания дыхания при неспешном, внимательном произношении слов молитвы, соединенных с дыханием, равно и ум утомляется от напряженного внимания. Сердце же не должно бы утомляться от внимательного напряжения произнесения, как бы заключения в нем слов молитвенных, особенно сладчайшего имени Иисусова, разве только от постоянного вдыхания в себя воздуха, хотя и прохлаждающего его, однако же тревожащего и беспокоящего его, которое по действию своему подобно воздыханию, по слову псаломнику: «Утрудится сердце мое от воз-

дыхания моего». Поэтому воздыханием нужно пользоваться только вначале для отыскания места сердечного и для поддержания пребывания ума в нем. Когда ум от навыка и благодатию Христовою утвердится в сердце, тогда постоянные и глубокие вдыхания не нужны бывают, и дыхание надо по святоотеческому руководству (Святой Григорий Синайский) мало удерживать. «Так же разделение внимания, т. е. обращение его при первых словах молитвы к Богу, а при последних к себе» (Калист. и Игнат. гл. 48). «В частности, в первой половине при призывании только имени Господня двойное внимание ума, то к призыванию, то к Лицу Самого Господа» (по Феолипту Филадельфийскому). Все это при совершенной сердечной умиленной молитве должно быть и будет совершаться естественно без особого утомительного напряжения ума. Когда ум и сердце соединятся с собою и с Самим Господом, — и будет Троица во Единице и Единица во Троице. Буди Господи сия милость на нас, яко же уповахом на Тя (Пс. 32).

25 августа

На утрени, в конце «художественной» молитвы претрудной, сподобился умиления. Ощутил милосердие Спасителя к нам со внушением «Научитесь от Меня, яко кроток есмь и смирен сердцем». Когда собирались парить поутру, после часов, просфоры на самоваре и с большим трудом (от неудобства места) слезил в церковную цистерну намочить просфоры, то сердце смутилось от нетерпения против ученика, что он не исполнил это трудное для меня дело. Но смутился и не глаголах. От нетерпеливого слова ему по сему поводу удержало воспоминание об умилении со внушенною мне заповедью о кротости. После чая до обеда помолился сидя, без внимания к художественным приемам и за три четки такой свободной молитвы много развлекся и, только вставши, строгим соблюдением приемов и поклонами восстановил внимание и сподобился умиления. Двойное внимание в молитве, с одной стороны, к Лицу Самого Господа, с другой, к словам молитвенным, соединилось в одно нераздельное внимание к имени Христову: «Господи Иисусе Христе». В сих именах ощущалось присутствие Самого Сладчайшего Господа Спасителя — без всякого внешнего образа. И из имени Его, как бы из сосуда, изливалась живительная сладость в сердце. Так нам, немощным и расслабленным духом, помогают предлагаемые нам святыми отцами от своего опыта и не без внушения Духа Святаго «художественные приемы» (см. Еп. Феофана: Собрание писем. Письмо 321-е: «Когда ослабело умение привлекать Божию благодать, придумали механический способ, прописанный в Добро-

толюбии: художественное действие молитвы Иисусовой. Это и пригоже бывает» /примечание Старцево/).

Древние Св. Отцы и, хотя редкие, современные, например приснопамятный о. Иоанн Кронштадтский, и, может быть, другие сокровенные рабы Божии, простые молитвенники, богаты были живою верою и любовью ко Господу и посему всегда и просто находились в молитвенном общении с Ним. Мы же, немощные и расслабленные телом и духом, до времени — «до нарака отца» (Гал. 3—4) нуждаемся в пестуне — детоводительстве внешних правил (художеств) закона молитвенного, пока под опекою их не возрастет наш дух молитвенный; как и угодники Божии получают за труд своей веры и любви к молитве, а через нее к Богу, дар «всыновления», т. е. благодатные дары совершенной умносердечной молитвы, в которой благодатные сыны Божии непрестанно вопиют: «Авва Отче» (Рим. 8, 15 и Гал. 4, 6). Нам же грешным и недостойным довлеет ощущать по милости Божией хотя бы начатки сего благодатного усыновления (Рим. 8, 23) — умиление в извещении отпущения наших многих и великих грехов.

26 августа

После Литургии и после чая, помолившись немного ходя, присел для молитвы в притворе церковном, там было потише. Скоро молитва пошла себе еще тише, в душе обрелось место сердечное, для нее устойчивое, удобное и покойное. Молится уже не ум, а само сердце, ум только по временам взирает на происходящее в сердце самодвижное молитвенное движение. Само сердце, видимо, смотрело на Господа, на себя и на свое молитвенное призывание Его, как бы на журчащий однообразно далеко в глубине его ручеек. Мир, теплота чувств ко Господу Спасителю, смирение и кротость было дыханием его. В таком состоянии оно представлялось уму моему живым «внутренним человеком», в противоположность «внешнему человеку» — обычному нашему сознанию. (Узнав об этом о. Никодим сказал ему: «Это у вас, Батюшка, ум соединился с сердцем». И многое другое испытывал он от умносердечной молитвы. А незадолго до своей кончины испытал еще большую радость, продолжавшуюся целый день. Сидел он в изумлении. Состояние его это случилось по причине виденного во сне на небе креста из четырех лун и очень торжественного колокольного звона, как на Пасху. Все люди были наряжены по-праздничному и восклицали: «Празднуем победу над коммунистами».) О, если бы сподобил Господь благодатию Своею утвердиться нам во «внутреннем человеке» и прочее... (Ефес. 3, 16—20).

На утрени «художественная» молитва сначала шла слабо и рассеянно, но я понуждал себя на внимание и чувство до изнеможения в груди и хотел уже оставить продолжение такой молитвы. Но вот, после сего перелома воли, ум скоро обрел, или лучше сказать, ему открылось «место сердечное» духовным чувством, как бы тонким жалом плачевного покаяния: «печали по Бозе» о чем-то дорогом для сердца и потерянном благе с неким ощущением его вновь и с некою надеждою опять возратить его в сердце, а вместе с ним и Самого дародателя его Сладчайшего Господа Спасителя, как это чувствовалось в первые годы сознательного уже детства. Воспроизведение в памяти пережитого удерживает сердце и после в покаянных чувствах. Так молитва внимательная и усердная сопровождается благодатным посещением, постепенно пересоздает нашего внутреннего человека. Всегда нужно поставлять последнею целью молитвенного правила и искать в молитве благодатного посещения, а не остановиться на нем и на приемах «художественных», не говоря уже о них самих, но и на первом благе, полученном от них — сохранение от праздности и помыслов во время такого первоначального нашего молитвенного «делания». Первое, т. е. благодать Божия, созидает внутреннего человека, а последнее, т. е. наше делание, только охраняет здание благодати, притом при содействии той же благодати. От одного же нашего внешнего молитвенного делания — и простого и художественного — рождается и воспитывается евангельский фарисей, зараженный самомнением или, в меньшей мере, последует за ним духовное бесплодие в простых неразумных молитвенниках. «Господи, научи нас молиться» — просили апостолы, или «Господи, просвети тьму мою» — постоянно молился один из первых умных молитвенников Св. Григорий Палама.

После обеда за чаем прочитали для проверки мой «молитвенный дневник» за три последних дня (с 24 по 27 августа). Мой сотрудник заметил по дневнику и по объяснению моему на его замечание, что неправильное у меня управление дыханием во время умной молитвы: я употреблял усиленные вдыхания, — где они кончаются, — места сердечного, и тем утруждал свою грудь, производя в ней волнение, т. е. тогда как в «художественной» молитве требуется тихое и плавное дыхание — «удерживать, — по святоотеческому выражению, — борзое дыхание и задерживать». С сим я согласился. Другое замечание сделано было на мое выражение (26 августа): «Само сердце видит Господа и себя, и свое молитвенное призывание». — «Это у вас, Батюшка, — заметил мой сотрудник, — соединился ум с сердцем и из

сердца видит, а вам кажется сердце видит, но не сердце, а ум видит». С ним я согласился до времени, когда убежусь более от святоотеческих слов. Также освободил мой сотрудник наперед от необходимости поклонов и призывания слов молитвенных с биением сердечным, особенно затрудняющим меня в числе приемов художественных, святыми отцами прямо не указанных, как и всякой истинной молитвы, состоящих в смиренном, внимательном и усердном призывании Господа умом в сердце.

28 августа

Сегодня на утрени, во время «художественной» молитвы, грудь уже не болела после того, как перестал делать частые вдыхания для определения «места» сердечного, а вместо того сдерживать немного вдыхание и выдыхание, чтобы дыхание, по святоотеческому учению, не борзо было. От такого сдержанного дыхания в сердце и во всем теле чувствовался покой, что отражалось и на спокойствии духа, и способствовало скорее ощутить место сердечное и творить там умную молитву. Так требуются нам вразумления и поправки друг от друга.

Исповедь в тот день прошла мирно, хотя и ожидал с некоторым из братьев беспокойных объяснений на исповеди и сам был озабочен до исповеди. Всякую заботу и в этом отношении надо возлагать на Господа и не готовить своих объяснений с неисправимыми исповедниками, по упованию: «В тот час (на исповеди) дается, еже подобает рещи». Проводив братию, сел в притвор и продолжал свое обычное правило молитвенное. От утомления, вероятно, и рассеянности, предыдущих в обращении с исповедниками, забылся на минуту или менее того. Но то диво, что после минутного незаметного тонкого забвения сном, пробуждался с более ясным зрением умом Господа в глубине сердечной, и молитва после краткой остановки сама продолжала твориться опять до тех пор, пока она постепенно незаметно останавливалась, и я снова затем пробуждался с нею. Так продолжалось в течение часа несколько раз.

После обеда слышался издали голос идущего к нам поклонника, русского беженца из Югославии к нам на беседу. Как ни прятались мы, но вынуждены были принять его. Так как до вечерни и после нее пришлось с ним долго беседовать о разных скорбных обстоятельствах беженских и требовалось оказывать внимательное сочувствие скорбному, то я под влиянием сего чувства забыл о своем занятии умною молитвою, потерял и место сердечное, с большим вниманием приобретенное. И в тот вечер под праздник Усекновения главы Св. Предтечи Господня Иоан-

на и на другой день на утрени никак не мог собраться умом и обрести место сердечное, и только призывание на помощь, после молитвы Иисусовой Пресвятыя Богородицы и празднуемого Св. Предтечи несколько смягчило сердце и привело в чувство.

29 августа

На Литургии, слава Богу, причастился с чувством, но после Литургии в новой беседе с гостем снова рассеялся и утомился, но, оставивши гостя до обеда, не мог ни отдохнуть, ни направиться на молитву. Во время обеда продолжение той же беседы на три часа до провода гостя. Пришел после этого в свое тихое помещение, но не смог ни спать, ни молиться внимательно, ибо потеряно место сердечное. Хотя совесть спокойна была за проведенное время в беседе. Пришлось сознаться в своей немощи. Вместе с участием и вниманием к ближнему, в то же время надо хранить и свое состояние молитвенное. Но и сознавши эту немощь и напрягавшись не раз на умную внимательную молитву, не мог получить, пока не вспомнил так часто забываемое нами то необходимейшее для нас в трудах спасения евангельское предупреждение Христа Спасителя: «Яко без Мене не можете творити ничесоже». Вспомнив же и помолившись Господу в сердце о помощи, тотчас незаметно и получил ее; в сердце самом изреклась молитва: «Иисусе Сыне Божий помилуй», и обрелось, таким образом, без художественных приемов место сердечное. Теперь мне пришлось пользоваться ими для поддержания молитвы, начавшейся Божиею помощью.

Итак, благодарение Богу, помолился около часу, и усталость от беседы долговременной пропала, и забыл, о чем говорил с гостем, тогда как до сего все, что приходило на ум, отвлекало его от молитвы. Сначала мы порадовались, когда на время уклонились от гостя, и он отошел в другое место. Мы же, узнав об этом, потом укорили себя в совести, что, охраняя свое безмолвие, пренебрегаем заповедью Евангельскою о странности и любви к ближнему. И вот Господь дал нам случай исполнить заповедь Христову и увидеть свою немощь и неспособность еще служить ближнему без ущерба своему духовному устройению. Что чему и когда предпочесть, да вразумит Господь на будущее в свое время в совести. Теоретически же это трудно обучить себя навсегда: чтобы заповеди о любви к ближнему и молитве для монаха были всегда равносильны. Одни от святых предпочитали иногда одно, а другие другое (Арсений и Моисей преподобные). В определении того, что чему предпочесть, когда много значит нравственное состояние, возраст духовного преуспеяния: любовь

к ближним и молитва могут быть в равной степени усвоенными преуспевшими духовно. Немоощным же иногда вполне должно оставить служение ближнему для преуспевания в молитве, а иногда и восполнять недостаток ее служением ближнему, особенно, когда сам слабый молитвенник не обходится, а пользуется помощью других. (Об этом подробно рассуждает преп. Исаак Сирий в главе об исповеди.)

30 августа

После обеда читали о молитве Иисусовой из: 1) «Странника» (изд. 3-е, 1884), 2) «Русского Инока», 3) Добротолюбия, и 4) из писем Еп. Феофана по вопросу: кому можно и кому нельзя заниматься «художественной» молитвой по Добротолюбию.

По «Страннику» (стр. 74, изд. 3-е), кто одолевается сном и разлениением бурей помыслов во время умной сердечной молитвы, не готов к занятию ею. По «Иноку» (Вопрос 75, февр. 1913, стр. 140) со слов преп. Григория Синаита из Добротолюбия (ч. 1-я, гл. 8-я) «непослушливые и страстные, с дерзостью приступающие к умносердечной молитве, не достигают ее и как самочинные впадают в дерзость, во мнение и в прелесть».

Еще строже высказывается Еп. Феофан («Письма к разным лицам», 2-е издание, письмо 80-е: «О прелести при умной молитве», стр. 415), где решительно сказано, что всякий проходящий умносердечную молитву с художественными приемами по Добротолюбию без руководителя, по одному описанию в Добротолюбии неминуемо впадает в прелесть, переоценивая значение художественных приемов и достигаемые ими естественные последствия и собрание ума и теплоту, признавая их за действие благодати Божией.

Это все прочитанное несколько смутило меня недоумением, что без наставника-руководителя, которого ныне трудно и даже невозможно найти, не следует заниматься умносердечной молитвой по святоотеческому учению по Добротолюбию из-за опасения неминуемой прелести.

Но далее, прочитав все статьи из «Инока», мы увидели, что, правда, молитва умная по Св. Симеону Новому Богослову зависит от послушания, в котором приобретается чистота совести и беспопечение, что есть необходимейшее условие для занятия умной молитвой. Там же далее разъясняется, как чистую совесть можно соблюдать по отношению, во-первых, к Богу, во-вторых, к духовному отцу и, в-третьих, к прочим лицам и вещам. Послушание для делания умной молитвы необходимо для приобретения чистоты совести и беспопечительности, которые без

послушания невозможны. По словам преп. Григория Синаита, где он говорит о безусловной необходимости для чистоты совести (л. 83, г. 1-я) первым приготовительным условием для умной молитвы иметь послушание, то разумеется под словом этим не первая ступень иноческой жизни (т. е. внешнее послушание), а разумеется внутреннее свойство характера — послушливость, которая может приобретаться и без внешнего послушания, от одного внутреннего послушания Заповедям Божиим (Св. Григорий Богослов), как это видно и на примере святых, в числе коих были и занимавшиеся молитвой с художественными приемами по Добротолочию, и сподобившиеся молитвы умной благодатной, не живших под внешним послушанием, но угодивших Богу совершенно, в числе их Нил Сорский, Паисий Величковский и даже (в мирской жизни — Патриарх Константинопольский) св. Григорий Палама, св. Патриарх Фотий. Да и сам преп. Симеон Арх. Солунский велел всем мирянам в других письмах и книгах не говорить так решительно против художественных приемов и даже считает их пригодным и необходимым средством для нас расслабленных и ленивых, конечно, не имеющих и добродетели послушания (Письма по поводу Сперанского, стр. 169 и 210).

Итак, в наши времена, когда оскудели наставники «художественной» молитвы, все-таки встречались среди иноков делатели сей молитвы (Парфений, Киевский духовник; Филарет, игумен Глинской пустыни и другие).

После сего мы порешили, что нужно держаться по сему недоуменному вопросу нашего делателя умной молитвы Паисия Величковского, с великой опасностью рассматривать сей вопрос.

На вечерней молитве Господь сподобил под конец умиления, и первая мысль, родившаяся от сего чувства, — это был ответ мне на мое недоумение: что можно и мне со смирением заниматься умной молитвой, к которой не раз возбуждал меня Господь через других, и на которую я получил благословение от духовного отца своего и старца (Игнатия Болгарина). Даже чувствовал в это время как бы угрозу немилости Божией, если пренебрегу и после сего молитвою.

На утрени после простой молитвы сел заниматься «художественной» молитвой, долго мучился: не мог соединить с дыханием молитву. Когда слежу вниманием за дыханием — с низведением ума с ним из головы в сердце — не могу в это время внимать отдельно и словам молитвы, также и наоборот. Слова молитвы (и не полной) не вмещаются в один прием дыхания, т. е. вдыхание в себя и выдыхание, и по необходимости приходится скорее произносить слова молитвы, чем как в среднюю приблизительно меру вместе с биением сердца. Тогда оставил следить

при каждой молитве за процессом низведения дыхания в сердце, внимая только словам молитвы. И что же, вскоре заметил, что в сердце, внимая слова молитвы, я одновременно стал замечать и дыхание, как сердце мое как бы расширялось, принимая в себя воздух и испуская, теперь я мог яснее следить из сердца и разделение дыхания на два физических приема вдыхания и выдыхания — и соответственно с ними соединять две половины молитвы. Мало того, стоя вниманием постоянно в сердце, а не развлекаясь всякий раз при произношении молитвы процессом намеренного введения дыхания в сердце, я в тишине сердечной и неразвлекаемом внимании стал понемногу одновременно с дыханием замечать и биение сердца, с которым стал соотносить и скорость произнесения слов молитвы — с каждым биением одно слово и, таким образом, вместе с пятью словами молитвы (сокращенной) совмещать пять биений сердечных в один прием дыхания. Это прежде казалось затруднительным, ибо из сердца я мог уже управлять и дыханием, задерживая его несколько (что согласно и со святоотеческим учением об умной молитве), чтобы вместить в него пять слов молитвы совместно с пятью биениями сердца. Слава Богу за открытие для меня нового опыта после долгих недоумений и труда: «Ищите и обряцете. Возблагодарив Господа, я спокойно и с умилением помолился по новому опыту, внимая главным образом в глубине сердца словам молитвы, с которыми оно соединилось, особенно, с именем, как бы дышало им и услаждалось. Даже и то заметил я после, что, когда совершаю умную молитву во время проходки, передвижение ног за каждый раз само собою постепенно соотносится под влиянием сердцебиения и со словами молитвы. Когда же поспешишь в проходке или замедлишь, от частого у меня застоя крови в ногах, то чувствуешь некоторое неудобство в творении ее. Так телесная и душевная жизнь у нас установлена Творцом в союзе и соответствии между собою, а через них с духовною жизнью, отсюда видно и значение художественных приемов, употреблявшихся святыми и предлагаемых нам ими в Добротолубии. Кроме сих главных нужнейших пособий для всех, могут у каждого обучающегося умной молитве с разумом (быть) и свои собственные пособия, ему только удобные, святоотеческим не противные и безвредные, и их нельзя уничтожать (как это иногда делают наши духовные писатели более с теоретической, чем опытной точки зрения). Как бы кто с внешней стороны ни молился, только бы постоянно молился со смирением, вниманием и умилением. Дорого это внутреннее устройство — всегдашняя память Божия, приобретаемая нами немощными в вере и любви к Богу, при помощи всяких искусственных приемов, не взирая на их внешнюю красоту, как бы юродство во Христе. Параскева,

Саровская юродивая послушница, в начале своей подвижнической жизни научена была справлять свои частые поклоны тем, что творила их, приговаривая при сем скромные, не нарушающие чувства целомудрия, слова мирской песни. И Господь не оскорблялся тем. Тем более не оскорбительно для Бога, если какие-либо у кого-нибудь свои особые скромные приемы, хотя и простые и, может быть, смешные для кого-либо не только легкомысленного, но и для серьезного образованного умного молитвенника-теоретика. Частое «буге Божие» премудрее человека есть и немощное Божие крепче человеку есть (Кор. 1, 25).

Это последнее замечание о художественных приемах сказано нами по поводу уничижительного выражения «прибаутки» преосв. Еп. Феофана о неких особых приемах умной молитвы, употреблявшихся неким старцем и о некоторых приемах в Добротолюбии (Собрание писем, выпуск 5-й, письмо 908, стр. 185—186).

Пусть читатель поймет это замечание не как порицание нами недостойными Великого духовного писателя, а как смягчение его выражений о некоторых собственных художественных приемах неразумных молитвенников, с высоким мнением о своем делании молитвенном часто уклонявшихся в бесплодие, в ошибки и прямую прелесть. Как и во многих его письмах часто высказывается убеждение, выражаясь по-ученому, не объективно, т. е. догматически, положительно применительно ко всякому случаю и лицу, а субъективно, т. е. применительно к кому-либо, к времени и к лицу. Вероятно, и многие случаи неумения пользоваться художественными приемами Добротолюбия без наставников и руководителей, что часто приводило к прелести, заставляли таких писателей церковных часто предупреждать и предостерегать от них и, особенно, о придуманных каждым своих приемов при сем с неподобающим душевным настроением — неразумным высокоумием, придающим излишнюю важность внешности молитвы в ущерб ее истинному внутреннему настроению (как об этом сказано дальше в вышеупомянутом письме).

Во время вечерни занимался умною молитвою 2-й час в сутки. Сначала молитва шла обычно, потом в груди стала ощущаться теплота. С продолжением молитвы она увеличивалась, потом стала ощущаться и ниже груди в нижней части живота с примесью нечистого, блудного ощущения, привлекающего туда своею сладостью сердце и внимание ума, но без помыслов. Знакомый с этим смущающим совесть ощущением, я всячески силился отвлекать от него сердце и внимание ума, ограждал себя страхом, что это вражие искушение, и силился удерживать внимание ума над сердцем мало повыше левого соска. Это помогло на

время, но потом теплота и волнение усилились, и я стал уже малодушествовать, как бы не произошло и невольное наружное осквернение. Но помысл внушил «держи неотступно ум ко Господу и произносимому в глубине сердца Его Святому и всесильному Имени и не бойся, сам Господь будет побороть за тебя».

Воодушевленный этим внутренним помыслом я так и делал некоторое время и постепенно стал чувствовать, как мокротная сласть уже не привлекала как прежде внимания ума, а наоборот, отвращала от себя опасением, и, наконец, все утихло — и теплота, и смущение душевное, и напряжение, и я несколько минут продолжал молитву с благодарностью Господу Спасителю и поборнику нашему в искушениях вражиих. Но когда я спокойно заканчивал уже свое правило, и ослабело внимание молитвенное, а ум иногда уклонялся в рассматривание и рассуждение о прошедшей брани, незаметно прокралась в него высокоумная тщеславная мысль о будущих моих подвигах и победах над врагом чрез умную молитву и получении за это дарований благодатных от Бога. Скоро, при Божией помощи, заметил это тонкое мысленное искушение, после благополучного борения, опаснейшего пережитого грубо плотского, подвергающего последнему, покаялся Господу мысленно, сознал свою немощь опытно из пережитого искушения и просил Господа всегда сохранять мое сердце и ум во смирении глубоком и помнить, что без Него самого мы не можем творить ничесоже (благое).

Во время ужина рассказал все своему сотруднику. Он, выслушав, сказал: «Требуется тебе глубокое смирение», и вообще сочувственно отнесся к сему и со своей стороны укреплял мое малодушие, но как-то легко, не сознавая по опыту пережитой мною брани, и будто и искушение при этом невелика беда. Это производило во мне невнимание к его утешению. Он это заметил, и я ему, с замечанием насчет его легкомыслия от неопытности, объяснил свое невнимание. Вследствие такого объяснения у нас чуть не произошла размолвка, подобно как было под 5-е августа (с. 12—13). Так враг, где не думаешь, ставит препоны. Он (сотрудник) представлял себе, что я, по малодушию, готов оставить молитвенный подвиг, на который я, по его словам, вышел по воле Божией с благоволения духовника, а прежде и старца, и теперь у меня к тому удобства и приобретенный опыт, и некий успех с помощью Божией. А я говорил, что не хотел бы оставлять начатого подвига, но серьезно смотрю на него, ибо наши писатели духовные, как видно из предыдущей записи (от 30-го августа) строго предупреждают нас об опасности прелести в сем подвиге без опытного руководителя. Но решаюсь на сей подвиг и в виду опасности, мною уже отчасти вначале испытанной, единственно

уже потому, что в то же время видел вразумление и укрепление от Господа. Оставить же сей подвиг боялся как бы малодушию не поступить против воли Божией. Когда мой сотрудник, смирившись, согласился с моим убеждением быть серьезнее в своих советах, особенно не основанных на собственном опыте, и больше молиться за меня, мы примирились и по-прежнему стал я продолжать свой подвиг в смирении и уповании единственно на милость Божию.

1 сентября

По обычной простой молитве «художественная» молитва сопровождалась и в этот раз теплотою в груди от напряженных душевных и телесных сил, но без смущения душевного, как вчера вечером. На «Честнейшую херувим» в конце утрени почувствовал умиление по милости Заступницы нашей Пресвятой Богородицы. Так милость Божия укрепляет и утешает нас, малодушных, в подвиге благочестия. Так и на вечерней молитве «художественной» ощущался жар в груди, но я, не обращая внимания на то, утвердил его все на призываемом имени Господня в «месте сердечном» (немного выше левого сосца), и избежал какого-либо смущения. Во время умной молитвы должно занимать ум и сердце одним только, чтобы чисто, без помыслов, молиться с сокрушением, не испытывая постороннего, происходящего в это время в душе и в теле. При этом внимании ума ко Господу в молитве должно утверждать его именно в имени Его святом, чтобы избежать каких-либо образов внешних, мечтаний и неблагоприятных, хотя бы и благих, рассуждений о переживаемом во время молитвы.

2 сентября

На утрени, после трех четок простой молитвы, сел за «художественную», потому что чувствовал себя бодрым и не расслабленным более кратким на этот раз сном ночным (два с половиною часа спал). И все время утрени затем провел в умной молитве — Слава Богу! При прежнем жаре в груди молитва совершалась спокойно, без прежних смущений и во умилении: внимание занято было одним призыванием сладчайшего и всесильного имени Господня с верою, что в нем, как в невидимом своем образе, присутствует Сам Господь Спаситель. От сего внимательного и неуклонного к какому-либо постороннему помыслу призывания в сердце имени Господня оно исполнялось теплотою, но

иною теплотою, чем та, какую я ощущал в прежние разы, и в этот раз в начале молитвы только. Та казалась внешнею по отношению к сердечному месту и волнением крови возбуждающею, а эта — внутренняя и из имени Господня истекавшей. Та отвлекала внимание ума из сердца, а эта привлекала внимание к сердцу и к имени Господню.

3 сентября

На утрени, после простой молитвы, сел на час «умной молитвы». Сначала, настроив себя душевно и телесно по «художественным» приемам, молился спокойно и даже на минуту забылся от покойного течения молитвы, и внимание уменьшилось, но потом, от того ли, что уменьшил свое внимание и вообще напряжение душевных и телесных сил, начала по-прежнему разгораться теплота от сердца в груди и до того усилилась, что сердце мое было, как в пламени, и по-прежнему стал тревожиться от сей сильной теплоты, которая стала из груди уже ударять в нижнюю часть живота, однако усиливался отвлекать внимание от нее и держать безысходно в сердце на словах молитвы, всячески смиряясь в душе и успокаивая свой смущенный дух упованием на Господа, что Он по-прежнему сохранит меня от искушения. Потом от разгоряченного состояния сердечного и дыхание, удерживаемое мною прежде, против моей силы стало вдруг усиленное и частое, похожее на всхлипывание. Я еще сильнее смутился, подумав, не начало ли это искушения, которого я опасался прежде при усиленной теплоте в теле, а именно в нижних частях живота. Но милосердный Господь сохранил от него меня грешного: хотя с великим напряжением, но молитву с упованием на Бога я в это время искушения не оставлял. Пламень в сердце и во всем теле от этой теплоты постепенно прошел, без особенного ощущения мокротной сласти и без помыслов нечистых. Просидев и после того несколько времени в умносердечной молитве, я благополучно, при Божией помощи, хотя и после большого душевного смущения, кончил свое утреннее правило.

После часов за чаем я передал о своем состоянии во время утренней умной молитвы своему сожителю. Стали обсуждать его, ища причины его. От своего опыта мой собеседник не мог ничего сказать в объяснение, как не испытывший теплоты во время молитвы в той усиленной мною испытанной степени. В писании же отеческом мы не нашли объяснения его; прямых причин, которые бы послужили поводом, по которому Бог попустил это по действию вражью, совесть, помимо вообще грехов-

ности, не сознавала, разве только, быть может, забвение мною прежде внушенного мне во время искушения смирения, и некая самонадеянность и излишнее упование на художественные приемы без покаянных чувств. Посему мы объяснили мое состояние излишним давлением на сердце внимания и вообще напряжения душевного и телесного по художественным приемам умносердечной молитвы, а посему решили мы продолжать мне далее упражнение в «художественной» молитве спокойнее и проще, без особенного напряжения и без точного наблюдения в это время биения сердца с дыханием, но со смиренным и покаянным чувством спокойно призывать Господа в сердце со вниманием к словам молитвы, а биение сердца совместно с дыханием само собою установится, как это было прежде (см. 31 августа). О, Боже, как трудно без наставника проходить умносердечную молитву, однако для монаха необходимо. Одна надежда на Бога. Благодарение Богу, что имею хоть единомысленного собеседника о ней, с которым можно делиться вновь возникающими мыслями и чувствами.

На вечернем правиле творил «умную» молитву, как присоветовали мы утром со своим сотрудником; спокойно, с покаянными чувствами, и молитва совершилась мирно, со вниманием и умилением. Приступала, правда, теплота от сердца в груди, но не усилилась как прежде, потому что живое покаяние, чувство молитвы отвлекали от нее внимание ума. При сем в этот раз, по окончании сотницы молитв, я полагал на себя крестное знамение. И когда в конце молитвы приступит теплота помало снизу от чресл без всякой сладости мокротной, я с внимательной, по-прежнему покаянной молитвой, стал полагать на себя крестное знамение, и теплота заметно отошла. При сем пришел внушительный, ободряющий помысл о величии и милосердии Спасителя и о моем маловерии и малодушии в искушениях. Итак, я с благодарением Господу Спасителю, умудряющему, укрепляющему и утешающему нас в немощах наших, кончил свое вечернее правило и восстановилось мое прежнее благодушное душевное настроение, поколебавшееся было пережитым во время утреннего смущения.

Слава Богу за все, спасающему нас и десными и шуиями — и благополучием и искушением противным.

4 сентября

На утрени молитва «умная» прошла мирно, без всякого приступа смущающей теплоты, во внимании к сердцу и в умилении душевном. Явилась мысль, что вчерашнее испытание было допущено Богом для упражнения внимания в сердце во время

всякого наперед искушения. Исповедь в сей день также прошла благополучно.

После уборки келии утомился, а потому и умную молитву вечером совершал не очень напряженно, однако с умилением. Увидал свое душевное убожество, слепоту духовную — неведение в молитвенном подвиге и в обращении с ближними, как поступать с ними в том или другом случае, чтобы было все мирно и душеполезно себе и им. Слабость воли в противлении страстям и принуждении себя к добродетелям, забвение в мыслях, словах и делах вечности и главнейших Евангельских заповедей и добродетелей христианских, любви к Богу и ближнему, которыми должна быть во всем проникнута и направляться вся жизнь наша, и неохота понуждать себя к постоянной, особенной «умной» молитве — главному христианскому средству спасения душевного и первому монашескому, особенно схимническому обету.

Все это побудило духовное зрение ума, тронуло и сердце мое нечувственное и породило желание молиться всегда Господу о помиловании себя и своих ближних — чад духовных, сродников, знаемых и всех православных христиан.

5 сентября

На утрени, когда приступил после простой к «умной молитве, вспомнил прочитанные нами накануне строки из жития Филарета Митрополита Киевского из Книг Подвижника XVIII и XIX века за декабрь, как в последние болезненные минуты его смерти не преставали течь слезы из его закрытых уже от изнеможения очей, подумал и молитвенно пожелал хоть в мале пережить его молитвенные чувства, и припомнились в моей вскоре за тем покаянной молитве слова 118 псалма: Источники водные изведосте очи мои понеже не сохраних закона Твоего. Затем вспомнился и плач Петров, тотчас по отречении от Господа и во всю жизнь в полуночные часы, как говорит о том Священное Писание и Предание, вспоминал и свои грехи с детства и до сего часа, и еще более усилились у меня слезы умиления, с одной стороны, горькое сожаление, что грехами своими, ведая и не ведая о том, всегда оскорблял Господа, от Которого получил в свою жизнь одни только благодеяния, а с другой стороны, теплое желание, как бы удовлетворить за это Господа, чтобы стать к Нему в прежний завет, «сыновний по неизреченной благодати любви, дарованной во святой крещении и отчасти испытанной в сердце в первые годы сознательного детства, но потом постепенно незаметно потерянный. Но сил нет уже к подвигам покаяния и

«довлетворения», не вынуждаемым только внутренним законом правды Божией, но внушенным свободным теплым желанием уязвившегося «печалью по Бозе» сердца. Остался для меня один плач душевный и телесный со смиренным терпением находящихся скорбей, которые будут, — это и есть едина приемлемая от грешника жертва Богу и удовлетворительное питание для его жаждущего в покаянии прежде потерянной любви духа. Долго молился в умной молитве с указанным покаянным чувством, с немалою теплотою сердечною и слезами, и с понуждением подольше пребыть в сем, однако прежних смущений от теплоты телесной не испытал. Так думаю, смиренные покаянные чувства в молитве умной сохраняют от нежелательных и вредных для души и тела последствий неправого усиленного применения одних внешних художественных приемов без подобающего душевного молитвенного устроения — покаянного смирения. Литургия в сей день с причащением братии совершилась благополучно. Слава Богу, благодетелю нашему, за все.

После обеда посетил гость, русский беженец из монастыря нашего. С ним провел в беседе около пяти часов; вынужденный беседой оставить молитву и заняться запросами гостя, наперед помолвившись, чтобы Господь управил беседу, хотя оставлено было трезвение и внимание к молитве, но совесть по провозведении гостя осталась мирною, сознавая свою немощь к такому усиленному трезвению. Пошел после этого в 9 часов по-европейски (3 часа пополудни) отдохнуть, но так как после беседы с гостем не спалось, то я лежа стал творить умную молитву и через несколько минут она установилась со вниманием к словам молитвы и совмещением их с дыханием. Я попробовал потом присоединить к сему внимание и к биению сердечному. Одновременное употребление двух этих художественных приемов сначала затрудняло действие делания молитвы и начало вызывать теплоту в теле, но не смущенную. Когда я перестал обращать особое внимание при творении умной молитвы на совмещение двух указанных приемов дыхания и биения сердца, ибо они установились уже, а обратил внимание на духовное устроение молитвы — понуждал себя на сокрушение сердца, и оно появилось милостию Божией, — то вместе с сердечным чувством покаяния теплота в теле отошла, хотя молитва творилась с вышеуказанными приемами. Так важно в умной молитве для правильного и безопасного пользования художественными приемами, иметь всегда во внимании главным образом покаянный дух молитвы. Высокое ценение внешних приемов сих в ущерб духовному устроению молитвы — причина и начало прелести по Епископу Феофану, ибо напряженное внимание к сим приемам и без горделивой мысли о своем делании усиливает теплоту в

теле, естественно рождающуюся и от одного труда молитвенного, подобно тому, как и всякое ощущение болезни (и самая болезнь) усиливается от обращения на него внимания, отчего рождается мнительность и, наоборот, отвлечение внимания — лечит.

В конце молитвы сокрушенной я почувствовал и сострадание к гостям, переживаемому ими недоумению по вопросу духовной жизни, а потому молился и за них, как за себя. После сего я возблагодарил Господа, что Он помог мне исполнить заповедь Его о любви к ближнему и не расстроить, после временного только по нужде прекращения, своего прежнего молитвенного устройства. Однако утомление душевных и телесных сил под вечер сказалось: вечернее правило совершал рассеянно, а также и утреннее.

6 сентября

И наутро впечатления вчерашнего дня отвлекали часть к себе внимания ума, несмотря на напряжение его усилием воли, сокрушенного же чувства, как прежде, которое бы могло привлечь, также не было по развлечению ума, ибо они одно другое подтверждают. Впрочем, милостию Царицы Небесной на «Честнейшую» сердце умилилось чувством Матерния Ее милосердия к нам грешным и немощным. Литургия, слава Богу, прошла благополучно. После обеда читали много выписок из писем Епископа Феофана о теплоте при умной молитве, сделанных прежде. Главнейшие из них следующие: «1. Когда внимание сойдет в сердце, то привлекает туда в одну точку все силы души и тела. Это средоточие всей человеческой жизни в одно место тотчас отзывается особым ощущением, сие ощущение и есть начало будущей теплоты... 2. Они — внимание и теплота — друг друга поддерживают и должны пребывать неразлучно... 3. Эта теплота не духовная, а обыкновенная кровяная, но как способствующая вниманию и развитию духовных движений, она называется духовною, в том, однако, случае, если не сопровождается сладостию похотною, хотя легкою, но держит и душу и тело в трезвенном настроении... 4. Духовную эту теплоту можно познать тогда, когда она сопровождается духовными молитвенными движениями страха Божия, сокрушения, благодарения и пр. Держи свою натуральную теплоту, ни во что ее не вменяя, а только приготовлением неким к Божией теплоте почитаема бывает и естественная теплота, и умиление... 5. Благодатная теплота особая и она, собственно, есть духовная и свидетельствует тонким сладким чувством... 6. Первый плод Божией тепло-

ты есть собрание мыслей воедино и устремление их к Богу неотходное...» (Собрание писем, второй том, письма 244, 318 и 322).

Из этих выписок я обратил внимание на ту мысль, что не всякая первоначальная теплота зазорна, как мешающая правильному художественному творению Иисусовой молитвы, и должна быть отрываемая, или по крайней мере не должна обращать на себя внимание, а только сопровождающаяся похотною сладостию, хотя бы и в малой мере. А бывает и другая, такая же обыкновенная, естественная кровяная теплота, не только не мешающая правильному творению Иисусовой молитвы, но и способствующая к сему, как привлекающая к себе и поддерживающая взаимно внимание, как и сама происходящая от него, сопровождающаяся духовными молитвенными движениями и приготавливающаяся к Божией благодатной теплоте.

На это суждение Епископа Феофана об естественной теплоте я обратил свое внимание потому что прежде всякую естественную теплоту, без различия ее свойств и действий, считал мешающей молитве, а потому иногда, и когда она начиналась без причины, смущался и опасался ее, тогда как не соединенная с похотною сластиею и не почитаемая за что-либо особое, а естественная, она способствует вниманию и вообще молитве, и не должна быть отрываемая. Ибо только не на месте держания внимания да еще с самомнением — причина смущающей теплоты. (В житии Старца Паисия Величковского, в предисловии Старца Василия на писания Преподобного Исихия, с. 114.) В этом убеждении спокойно творил вечером свою «умную молитву» с умилением и теплотою сердечною.

Когда за ужином я передал свое состояние молитвенное своему ученику, он на это сказал, что «бывает естественная теплота и умиление», как об этом замечает выше и Епископ Феофан (в письме 322). Этот ответ ученика я принял, как от Бога посланное замечание к смирению моему, что согласно о нашей «художественной» молитве и Епископ Феофан пишет в другом месте: «Художественное делание молитвы Иисусовой, творение ее простое со вниманием в сердце или хождение в памяти Божией, суть наш труд и сами по себе имеют естественный неблагодатный плод. Плод сей — собрание мыслей, благоговение и страх Божий, память смертная, умирение помыслов и некоторая теплота сердечная. Все сие суть естественный плод внутренней молитвы. Надо это хорошо затвердить, чтобы пред собою не трубить и пред другими не выситься. Пока в нас только естественные плоды, до тех пор мы гроша не стоим и по существу тела и по суду Божию. Цена нам, когда благодать придет. Ибо, когда она придет, это и будет значить, что Бог воззрел на нас милос-

тивным Своим оком. А пока не придет, то, что бы мы ни делали, каких бы подвигов ни несли, значит, что мы плевые личности, на которые Бог и взглянуть не хочет» (Собрание писем, выпуск первый, письмо 12, стр. 8, Москва, 1898 г.).

7 сентября

В ночь испытывал небольшой жар в голове и во всем теле, впрочем, правило утреннее, хотя с рассеянием, но кончил, на «Честнейшую» по милости Божией Матери и теплоту сердечную с умилением почувствовал. После утрени на отдыхе от жара не мог сразу заснуть, не мог творить и молитвы Иисусовой, хоть лежа. Сердце было как изломано, и всякое напряжение на полную и половинную молитву усиливало боль его. Но потом в сердце само собой вырвалось с умилением и слезами начальное слово молитвы: «Иисусе». И внимание ума само собой припевалось к Нему, и я несколько времени поддерживал свое полученное молитвенное настроение сладостным повторением одного сладчайшего имени Иисусова с умносердечным припаданием ко Господу Спасителю и (прошением о) помиловании и так незаметно заснул.

Часы сначала провел в молитве, хотя с принуждением, а потом сидя, более свободно и сосредоточенно. После чая опять час помолился, и жар в теле как будто успокоился, и я кончил молитву, продолжив свой дневник, начиная с 6-го числа, и принимал на исповедь. Днем не отдохнул, заснул перед бдением, ибо жар в теле совсем не проходил. Вечером в 10 часов (4 часа пополудни) с трудом ходил и особоровал болящего брата. Изнемогши, с вечера не мог уже молиться внимательно. И всю ночь продолжалось перемежающаяся лихорадка — то жар, то холод. С двух до восьми часов я не вставал с постели. Молитва творилась в полусознании сонном, немного посидев и походив. В девятом часу опять лег, чтобы отдохнуть перед Литургией.

8 сентября

К утру (11 часам) жар успокоился немного, так что я благополучно отслужил Литургию и братию причастил. А после Литургии, хотя в большом изнеможении, сходил причастить больного Св. Таин. После чая вместо обеда лег отдохнуть, но мало спал, ибо жар в теле не прошел совершенно, и к молитве усердие и способность ослабели, а тут некоторое время против воли занял посетитель Хартафилак, письмоводитель из Лавры,

и ученый разговор с ним добавил рассеяние ума. Прилегал после него еще отдохнуть, но сон не приходил и молитва ослабела, и я пошел продолжать записывать свой дневник. Вот такая моя слабость в молитвенном подвиге: малая болезнь телесная, малое стечение были и обстоятельств — и ослабела не только прежняя ревность к молитве, но и обычное продолжение сего подвига с одним «внешним деланием». Нужна постоянная ревность к молитве с понуждением себя и Божия помощь, «яко без Мене не можете творити ничесоже». Воздвигни, Господи, силу Твою и прииди во еже спасти нас.

За чаем после обеда мой сотрудник заметил, что навык ко всегдашней непрестанной молитве — основание умносердечной «художественной» молитвы. Так как мы всегда не можем еще, по немощи нашей, творить молитву «художественными» приемами, что требует вначале напряжения душевных и телесных сил, то нам для постоянства непрерывности молитвы нужен наперед навык к простой словесной молитве без художественных приемов. Эту свою мысль он после подтвердил местами из второго тома «Странника» (стр. 67—68). Сообразив сии опытные наставления святых отцев (выше им перечисленные), приходил к тому истинному заключению, что главный, единственный и удобнейший способ к приобретению дел спасения и духовного совершенства есть частность, непрерывность молитвы, как бы она ни была немощна... «Частность молитвы непременно произведет навыкновение и обратится в натуру, привлечет по времени ум и сердце в достоподобное настроение. Частность в молитве есть единственный способ к приобретению чистой и истинной молитвы, есть самое лучшее и самое действительнейшее приуготовление к молитве и вернейший путь к достижению молитвенной цели и спасения» (Из «Рассказов странника» о благодатном действии молитвы Иисусовой под редакцией игумена Серафима, 1933. Перепечатано с первого издания Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, Сергиев посад, 1911, цензор Никон, Епископ Вологодский).

Из Аввы Варсонуфия: Вопрос 428-й: «Хорошо ли всегда помышлять о Боге в сердце своем или сердечно молиться Ему без содействия языка? Когда случается, что я упражняюсь в сем, мысль моя погружается в рассеянность — я ощущаю тяжесть и мне видятся как бы какие предметы и призраки, и пребываю как бы в сонных мечтаниях. Ответ: не уклоняться умом и не погружаться сильно в рассеянность или мечтание есть дело совершенных, могущественных управлять умом своим и содержать его всегда в страхе Божиим. А тот, кто не имеет постоянного трезвения к Богу, увлекается, передавая размышления свои языку. Подобно сему видим и на плавающих в море: те из них,

которые искусны, смело ввергают себя в море, зная, что оно не может потопить хорошо обучившихся искусству плавания. Начинаящий же обучаться сему искусству, почувствовав, что он находится на глубоком месте, из опасения утонуть, спешит выбраться из глубины на берег и, отдохнув немного, снова бросается в глубину, и упражняется таким образом, чтобы совершенно узнать это искусство, пока достигнет степени изучивших оное прежде него». Вышеприведенные слова вопроса и ответа мой собеседник относит к «художественной» и простой словесной молитве в том смысле, что немощные не всегда должны увлекаться в первой, только по временам — 1 час, 2 и т. д.

Когда же утрудится в ней по своей немощи, то должен возвращаться ко второй, совершаемой «при содействии языка». (Вопрос). В том смысле он понимает и слова (ответа) «увлекается, передавая размышление свое языку». Последние слова как-то мне непонятны, как он доказывает его мысль: чтобы избавиться от мечтаний, бывших в умносердечной без слов молитве, нужно переходить на прежнюю словесную (без особого внимания), свойственную новоначальным, только как в «Страннике» пишется. Мне же кажется, тогда только простая молитва избавит от увлечений и мечтаний, бываемых у немощных умносердечных молитвенников, когда они внимание ума будут влагать усилием в каждое слово молитвы, что им возможно как упражняющимся уже в умносердечной молитве, что есть один из приемов «художественной» молитвы. В этом смысле и нужно понимать слова ответа: «передавая размышление свое языку», т. е. свои прежние умносердечные помышления (о Боге) и сердечную молитву содействию и управлению словесной, не простой только, но и внимательной к словам молитвы, держать в ней свой ум на якоре от увлечения и мечтания его. Как и Священноинок Дорофей пишет: «Егда что делаешь прилежно нужнейшее или помыслы насилуют зельне уму, или дремание и сон одолевают, тогда подобает устнами и языком молиться прилежно, дабы внимал ум гласу» (глава 32).

После беседы о сем он пошел совершать вечерню, а я остался по болезни на койке, помолился несколько времени просто словесно, яко бы мне теперь в болезни неподсильна «художественная», но время все прошло в рассеянности. Тогда я под конец собрал все свои силы, подвинулся за «художественную», думая, что приемы ее и изобретены отцами для нас, расслабленных и рассеянных, и скоро установилась, таким образом, сравнительно внимательная молитва.

(Примечание собеседника: усиленное удерживание внимания на словах молитвы не доказывается; передышка от умносердечной молитвы, как по смыслу (ответа) Аввы Варсонуфия:

ради немощи по временам «предавая размышление языку» как бы «спеша из глубины выбраться на берег отдохнуть немного», чтобы потом снова в крепости погрузиться «во глубину» умносердечной молитвы. Заключение ума в слова молитвы тоже есть претрудное художество, новонаначальному и от него требуется повременная передышка. Схим. Никодим.)

9 сентября

На утрени ощущался жар в теле, посему я начал молиться сразу сидя, умною молитвою, но слабо, на «Честнейшую» опять умилился, как бы соскучившись, что долго не обращался с молитвою к Пресвятой Богородице, будучи занят одною умною молитвою ко Господу Иисусу Христу. На это заметил ученик после, что после обеда надо творить молитву Иисусову с прибавлением: «Богородицею» (помилуй мя), по примеру преподобного Серафима Саровского. В простой молитве это удобно, но при навыковении «художественной» молитве и одно слово прибавленное затрудняет ее, ибо тогда все слова молитвы, полной с прибавкой, не вмещаются у меня в один прием дыхания моего слабого.

Часы и после часов и утреннего чая молился обычно. (На вечерне молился «художественною» молитвою с постепенным, а не враз, применением всех художественных приемов: 1) стояние умом в сердце, 2) внимание к словам молитвы, 3) соединение молитвы с дыханием, 4) с сердцебиением, а также с подобающим внутренним духовным настроением, благоговением, смирением и сокрушением. И молитва через полчаса восстановилась свободная и самодвижная, требовалось только поддерживать ее вниманием. Когда же я особенное внимание остановил на чувстве молитвенного благоговения и старался как бы ощутить присутствие Божие, то внимание к словам молитвы остановилось. Когда взялся опять только за внимательное творение молитвы, то опять пошла молитва самодвижная и через несколько времени внимание углубилось. Я ощущал в сердце только присутствие Божие в Его святом Имени и себя самого. Полная молитва, т. е. произношение умносердечно пяти слов: Господи, Иисусе Христе, помилуй мя, мне стало затруднительно. Тогда я стал умносердечно произносить три слова: «Иисусе, помилуй мя». Случайно обратил в это время внимание на дыхание и сердцебиение, я заметил, что они стихли и как бы замерли, и в теле моем неподвижном я не заметил никаких ощущений. Внимательная такая молитва мне чувствовалась приятною. Внимание и чувство это держались и по окончании умной «художественной» молит-

вы, когда после часового продолжения ее перешел к обычной простой без особого внимания к приемам художественным. Они сохранялись теперь свободно сами собою.

Когда я во время ужина рассказал ученику свое состояние, он мне заметил на это, что это не от благодати, а от естества, то самое, что Епископ Феофан называет неким ощущением, предшествующим началом будущей теплоты благодатной, но это еще не благодатная. Я ему возразил: Как не благодатная? Я и это считаю благодатью от Бога, без Которого и естественное наше добро не совершается одними нашими силами: «Яко без Мене не можете творить ничесоже», потому что в другое время и при всем напряжении своих сил не достигнешь этого. За особенную же молитвенную благодать я это не считаю, как и сам замечает Епископ Феофан. Он согласился с тем, что все естественное совершается по благодати, но испытанное мною в конце молитвы тонкое внимание с ощущением присутствия Божия и после хранившегося он продолжал настойчиво считать не благодатным действием, а естественным. Ради монашеского послушания и смирения и ввиду настойчивого различия теплоты естественной и духовной, я согласился держаться его мнения о пережитом мною в молитвенном состоянии как безопасного, но и вынужден был заметить своему ученику, для смирения его, что он по тщеславию и гордости своей из чина сотрудника-собеседника переходит самонадеянно в чин учителя и руководителя моего — руководителя своего старца. Когда несколько дней тому назад он, свою неопытностью отказывался от того. Хотя мы простились и помирились, но некоторое время неприятное чувство взаимной неудовлетворительности осталось у нас обоих. Через несколько минут, на повечерии, мой собеседник приходит с покаянием, что совесть его зазирает за то, что осуждал меня за мое невнимание к святоотеческой письменности и малоначитанности в ней.

10 сентября. На утрени.

Так как после ужина я ощутил жар в теле, то начал молиться с вечера, чтобы время не прошло напрасно — ни в отдыхе, ни в молитве. Сидши на стул все время принуждал себя к простой молитве. В конце же углубился вниманием в присутствие Божие. Я внутренне от души воззвал: Господи, пожалей меня, помоги мне, и тотчас ощутил умиление со слезами... После же у меня явилась мысль, в пояснение прежних наших суждений, что наши естественные плоды усердной молитвы — теплота и внимание — приходят постепенно по мере нашего напряжения сил

и умения пользоваться художественными приемами, или от одного усердия в простой словесной молитве, а благодатные действия неожиданно и сразу с ясным ощущением и извещением, что они от Бога. На этом основании сравнивая (это мое) теперешнее действие со вчерашним, я более заметил различие между ними, как говорил и мой ученик на основании Епископа Феофана. Как естественное не за свое, а данное мне туне от Бога. Естественное только держит наше внутреннее и внешнее в должном чине страха и порядка, а благодатное оживляет душу и тело и сопровождается каким-либо просвещением ума — новою благодатною мыслию. Сладость же теплоты духовной и естественной могут различать только долгим опытом искусившиеся в познании добра и зла. Духовное, конечно, более тонкое, чем естественное плотское кровавое.

Передал во время утреннего чая пережитое состояние умиления своему собеседнику. Он признал его за благодатное посещение. Потом стал рассказывать о своем молитвенном состоянии вчера вечером и сегодня утром, что усладился чтением псалмов и пением, а потом перешел от сего в помысл тщеславия, и на основании этого свое услаждение считал простым, естественным. Потом не без действия врага разговор перешел на вчерашнюю тему о естественных и благодатных действиях молитвы. Опять некоторое препирательство со взаимным укорением друг друга в гордости, а меня и в легкомысленной горячности, с какою я берусь за молитву, а потом, при первом искушении, малодушествую, расстраиваюсь и бросаю. Все это я не отрицаю в себе, но и ученик мой, думаю, нуждается в лечении. И снова прощение друг друга, прощение хотя и не от всего сердца, пока время и внимание не очистят его совершенно от всякого остатка неприятности. Так немощь наша и враг мешают преуспеянию нашему в молитвенном подвиге. Потребно всегдашнее глубокое смирение и усердная молитва к Господу о помощи. Помози нам, Боже, спаси нас имени ради святого Твоего.

После обеда за чаем, пересмотрев свою прежнюю беседу, совершенно примирился и согласился. Однако я пожалел потом и немного приуныл, что время у нас проходит часто в спорах, а молитва наша не движется... Когда ученик вышел от меня, меня сразу повлекло желание на молитву, которая сама изрекалась в сердце моем с умилением и слезами: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя». В это время я лежал от немощи и молился простою молитвою около получаса с умилением и слезами, потом стал иногда увлекаться в простые краткие помыслы, и посему встал для большого сосредоточенного внимания и продолжал творить простую молитву сидя. Но рассеянность по временам не проходила. Когда же изнемогши опять прилег в сознании своей

немощи, опять пришло умиление и слезы, и внимательную молитву по немощи поддерживать напряжением с художественными приемами не мог, и она опять стала уклоняться в рассеянность. По прошествии часа я закончил свое вечернее правило простою, не «художественною» молитвою. Память умиленного чувства от ощущения милосердия к нашей немощи Господа оставалась и после окончания молитвенного правила.

11 сентября

Утреню, часы и вечерню молился обычно и рассеянно, и со вниманием, и умилением без особого различия естественных и благодатных действий, все приписывая Божией помощи, себе же одну немощь и греховность. Во смирении нашем помяни нас, Господи.

12 сентября

Болезненное состояние продолжается, и правило совершается обычно.

13 сентября

Обычно.

14 сентября

На вечернем правиле во время умной «художественной» молитвы усилилось постепенное биение сердца с не особенно большим жаром в нем, так что от частого биения его я не мог произносить всех слов молитвы. Потом биение, утихая постепенно, стало едва заметно. В таком виде сопровождалось и дыхание, однако болезненности от этого я не ощущал ни в сердце, ни в легких, ни в голове. Особых духовных чувств в это время, перемены сердцебиения и дыхания не переживал, кроме умиленного внимания к молитве, которым я отвлекал ум от происходившей перемены в процессе сердцебиения и дыхания, предав то воле Божией. Наконец, сердцебиение и дыхание постепенно опять усилились и пришли в обычное состояние. Мой сотрудник, когда я ему о сем рассказал, сказал, что у него после усиления сердцебиений оно (дыхание) не ослабевает совершенно как у меня, и мое состояние признал болезненным. Разгорячение сердца объяснил соединением молитвы с сердцебиением, напря-

женное внимание к молитве передалось и сердцу, через соединение с ним молитвы и тем усилило его до ненормального состояния, после чего последовало бессилие его, а вместе с ним и дыхания. И положили мы не соединять мне, слабому сердцем, молитвы с сердцебиением намеренно, хотя оно и помогает своим непрерывным действием, а соединять ее только с дыханием, тем более, что этот последний прием указывается святыми отцами, а тот, первый, упоминается только у «Странника». Ему можно разве только не препятствовать, оно происходит само собой. Когда же заметится его вредное усиленное внимание на сердце, тогда отвергать его и останавливать, задерживать помалу дыхание и тем успокаивать быстрое движение сердца. И вообще положили мы, довольно нам чрез «художественные» приемы, т. е. 1) творение молитвы в сердце, 2) внимание к словам молитвы с верою в присутствие в них Самого Господа и 3) разделение молитвы на две половины соответственно процессу дыхания — вдыхания и выдыхания, 4) обрести внимательную в сердце молитву, а теплоты и чувства сердечных желать смиренно только покаянных, как безопаснейших, а не каких-либо высоких и радостных, что свойственно бесстрастным только. Творить же молитву всегда, как можно в спокойном духе и теле.

На вечернем правиле по вышеуказанному способу молитва «художественная», хотя краткая по недостатку времени, совершалась тихо.

16 сентября

По слабой (по слабости телесной) умной молитве со скорбью о сем лег отдохнуть и чрез полчаса, как заметил по бою часов, проснулся с пламенной умносердечной молитвой, начавшейся (как оказалось по пробуждении) в сновидении, бывшем в кратком послеутреннем отдыхе. Сновидения же такого: будто проходим мы с братией по двору церковному, беседуя о двух послушниках одной келии, что они до пострига много претерпели искушений. Потом я взглянул на небо и увидел в полумраке сначала как бы половину луны, а всматриваясь, далее заметил крест большой, изображенный четырьмя круглыми лунами и обратил на это видение внимание шедших со мною в церковь братьев. Один из них на это сказал: «Как бы жили внимательно, то мы многое и другое увидели бы в небе». Потом оказался как бы на поместье нашего дома в селе: вдали чрез гумна и строения виделась наша сельская церковь с колокольней, и вдруг слышу звон в большие колокола с колокольни, как бывало в давнем детстве. Этот звон, таких он исполнил меня нежно-умильных и

вместе высокаторжественных чувств, ибо в это время я помнил, что церковь наша закрыта большевиками, сняты колокола и вдруг — неожиданно звон, и мне представилось, что кончилось владычество их большевистское. *(Заметки ученика: в этом году Старец получил из дому с родины письмо с извещением, что присланы были из Москвы в их деревню девки-коммунистки, которые сняли с колокольни колокола и разбили их на куски.)* В глубоком молитвенном чувстве я упал ниц на землю, потом встал на колени и с распростертыми руками и прежде молился пламенно за Россию, благодарил Бога освободителя ее и славословил непостижимое в этом величество Его. Переполнившееся этими чувствами сердце мое искало слез для пролития их и облегчения от них. В этом состоянии я и пробудился. Сердце мое, воспламененное восхищением, в избытке чувств и по пробуждении долго повторяло со слезами только слова молитвы: «Сыне Божий, помилуй мя». И всякий раз, как вспомню слышанный мною умиленный и торжественный звон тот колокольный, то горячие чувства и биение сердца усиливались во мне, так что я стал уже останавливать его задерживанием дыхания, и оно успокоилось. И думал я тогда, какого блаженства мы лишаемся своим невниманием к жизни христианской. И за Россию пришла мысль, что Господь, очистив ее скорбями, и снова прославит благочестием, и от мысли о России перешла моя мысль к торжеству будущей вечной жизни после временных скорбей в земной жизни. Припомнились мне слова Апокалипсиса: «Сии суть приидоша от великой скорби» (7, 14). После этого не мог заснуть, а проведши два часа в размышлении по поводу пережитого во сне и в молитве, встал и записал все это в дневник. *(Весь этот день Старец был в радостном изумлении — ученик.)*

Поутру передал сон свой и порожденное им душевно-телесное состояние своему сожителю. Он признал его «за утешение» от Бога и побуждающее меня к умной молитве. Я не противился, со смирением и благодарностью Богу принял его слова. Но потом, через несколько дней, прочитавши из своих «Выписок» об умной молитве одного Афонского старца-подвижника, не принимая и не отвергая происшедшего, и суждение сем предать воле Божией и вразумлению более утвердительному в будущем и держаться смиренной доли, как безопасной. Слова же выписки следующие: «Когда случатся при этом какие-либо видения, то не доверять им. Должно полагать, что для нашего спасения необходимо одно лишь покаяние, плачь о своих грехах и никаких не допускать мыслей, что мы достойны каких-либо видений небесных. Слезы благодарные бывают со смирением и радостью о Господе, облегчающие сердце от скорби греховной. С тщесла-

вием же слезы и высокоумием не угодны Господу и бывают лишены тех благодатных плодов, почему и должно тщательно охранять сердце от всего тщеславного и греховного» (из рукописи схимонаха Герасима-грека).

Так изобразил Старец свое видение.

17 сентября

Вчера вечером посетили гости греки (зилоты), и хотя особых разговоров с ними не было, но они не дали время совершить вечернее правило. Простое любопытство (если не более того хуже) с каким они, по словам их, мимоходом зашли посетить меня, заметное необщение их с нами, хотя прикрываемое лицемерно внешним мирским приличием — пожатием рук, приятности в лице и в голосе — и после краткой в немногих словах и уже не согласной беседы, оставило чувство пустоты, а потом, с вечера затронутый несколько больной вопрос (о стиле), породил целый поток суждений, уже было забытых, но теперь снова оживленных и не только перебивших умную молитву, но и спать не дававших. Как вредны для занятия умной молитвою пристрастие к богословским рассуждениям, и, особенно, беседы с неединомысленными, не обходящиеся без словопрения. Они производят бурление в мыслях, от которых трудно бывает отвлечь ум, особенно, когда и сердце бывает раздражено словопрением. Вот почему Апостол заповедал всем христианам не словопретися ни на какую потребу, особенно же эта заповедь касается монахов (Св. Василий Великий) и тем паче безмолвников.

18 сентября

Молитва шла обычно в немощи и на утрени, и на часах. Извещение о смерти наместника нашего Русского Монастыря и одного схимонаха того же монастыря — знакомых моих — как вестники и о моей близкой, но не известной когда и как, кончине по жестокости сердца моего не воспринявшего в чувстве молитвенного сокрушения о себе самом по погибших. Так же сегодня и завтра справлять будем память годовщины смерти моего старца по постригу и сослужителя на Каруле иеросхимонаха Игнатия, во всем близкого ко мне человека. Господи, упокой души их и за молитвы их даруй и мне живую память собственной моей смерти, которую святые египетские отцы соединяли с умною молитвою для большего успеха в ней. «Добрый педагог телу и душе, — говорит преподобный Исихий Иерусалим-

ский, — есть незабвенная память смертная, и то, чтобы, минуя все посреде сущее (т. е. между настоящею минутою и часом смертным), ее всегда перед собой зреть, и тот же самый одр, на котором имеешь лежать, разлучаясь с телом» и прочее (Душеспасительное и полезное слово о трезвении и молитве, гл. 95. Преп. Исихия Иерусалимского).

19 сентября

Переживаю после болезни рассеянность и охлаждение к молитве. И не разберу от немощи болезни, или от лености, то и другое требует от меня смирения пред Богом и усердного прошения Его помощи, как сказал Он Сам: «Яко без Меня не можете творити ничесоже» (Иоан. 15, 5).

Конец дневнику Старца.

20 сентября Старец слег в постель и уже не мог записывать дневника своего, а 2 октября преставился ко Господу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После 19 сентября Старец дневника своего уже не писал и обычное молитвенное правило перестал совершать, а лежал в постели и переживал болезненное состояние. С этого дня и не вставал с постели до самой смерти.

Болезнь его началась 7 сентября от простуды. Последнее время Старец после обеденного отдыха до вечерни два часа уделял для писания, т. е. сокращал Жития Святых (см. 18 августа), и в этот день он открыл оба окна в своей двухметровой келии для пролетного ветерка, чтобы было не так душно ему. Хотя и ветерок то был маленький и не так еще холодно, но как он всегда слабенький, то его и просквозило. Потом каждый день ощущал маленькую лихорадку; под вечер озноб и жар по ночам. Но правила своего молитвенного он не оставлял до тех пор, пока не слег уже окончательно в постель. К лихорадке пристала еще болезнь в животе с коликами, а как от нашей пустыни далеко живет доктор и позвать его не на что было, да и сам Старец к нему не расположен был, и лекарства не было никакого, так и терпел он без всякого лечения... Очень хотелось ему помереть без людей. Для этого не велел мне никому сказывать, что он больной уже к смерти. Ему было таинственное извещение, что он помрет на Покров, и за неделю, совершив елеосвящение над больным учеником своим схимонахом Алипием, сказал ему: «Я помру на Покров, а ты на третий день после меня». Так и сбылось.

Готовясь к смерти, Старец каждые последние десять дней ежедневно причащался Святых Христовых Таин Тела и Крови Господней. Сам уже не мог ходить в церковь, то я, как иподиакон, приносил ему в келию запасные Св. Тайны и он причащался ими. Я не выдержал и сильно ослабел без сна, служа Старцу один, и потому за пять дней до смерти вынужден был позвать других на помощь, чтобы по очереди дежурили днем и ночью. У него напоследок стало болеть еще и в груди под ложечкой, и к этому открылась почти непрестанная икота и кашель, и по

ночам сильный жар и пот. Сердцебиение доходило до 110 ударов в одну минуту. Часто меняли белье, а к тому еще не мог он терпеть и десяти минут в одном положении. Требовалось переворачивать его через каждые десять минут то на один бок, то на другой, и на спину, и сажать на постели, склоняя голову на стол. Сна почти совсем не употреблял.

28 сентября с вечера от 10 часов до пяти часов ночи (счет времени по-византийски) Старец был спокоен, а с пяти часов открылся сильный жар, а также и кошмар. С шести часов уснул и спал до утра. Утром выпил три чашки чаю без всего и был спокоен. Приходил духовник. Поговорил с ним немного, выразил тяжесть продолжать беседу. После ухода духовника Старец вспомнил, что забыл сказать ему, что он на яву видел злобу вражью. Велел мне после передать ему. «Предстала предо мною злоба вражия, подобно злomu зверю — льву или собаке с ярыми глазами и в сильной, очень сильной злобе хотел броситься на меня и пожрать меня, но благодать Божия не допустила. Это было может в продолжении минуты или полминуты». Я спросил: «Как, Батюшка, Вы видели эту злобу телесными глазами или умом?» Он сказал: «Умственными очами».

К вечеру, в 8 часов опять открылась икота и продолжалась до 11 часов. Обращаясь ко мне, Старец сказал: «У меня уж рассудок естественный теряется», и вроде как бы в кошмаре, начал рассуждать о духовнике своем с немногoю неприязнью и спросил меня, что может это нехорошо. На это я ему сказал: «Да, Батюшка, нехорошо. По вашему теперешнему состоянию ничего не надо рассуждать, а только молиться, а то враг запутает вас». Он послушался, успокоился, перестал и икать, и с усердием слушал мою молитву, даже и не шевелясь, как бы замер. Во все время болезни его я, сидя около него, вслух, раздельно каждое слово, читал Иисусову молитву краткую: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя», — помогая ему повторять умом за мною. Я спросил его, держится ли молитовка-то? Он ответил: «Чуть-чуть».

В другое время бес представил Старцу горделивый помысел, желая уловить его высокоумием. Говорит мне Старец: «Вот, мне кажется, что я, страдая в такой болезни, терплю больше, чем Христос на кресте». Видя, что это с ним уже от слабости ума, я ему сказал: «Что вы, Батюшка, опомнитесь. Ведь это вам от врага. Как можно подумать, что вам тяжелее, чем Господу было на кресте. Ведь Его-то все оставили, и Он один страдал, никто не помогал Ему. А вам-то неотступно я служу и спрашиваю, чем могу помочь». От этих слов Старец успокоился и чуточку прослезился.

Это было под Покров, наш второй престольный праздник. После этого у Старца отнялся язык и говорил он духом, сопом,

мне одному только все было понятно. Так духом говорил и Святитель Тихон Задонский перед смертью со своим только келейником Иоанном.

В этот день все духовные его чада приходили прощаться с ним. Просили кому что надо, и он через меня давал им последние советы, и говорил мне духом, и все мне было понятно, и тогда я уже каждому передавал его слова. Это было прямо чудо. А еще к заходу солнца у нас остановились часы и не знали сколько время, а было пасмурно. И мы спрашиваем, сколько теперь времени? А Старец отвечает духом мне: «Постановите 11 часов». А когда проверили на другой день по солнцу, то точно так и было. Когда Старец всех благословлял, а меня благословить окончательно все отлагал, то я стал уже побаиваться, что Старец, не успев благословить меня, умрет. Тогда я посмел даже напомнить ему еще: «Батюшка, я боюсь, что вы не успеете благословить меня и помрете», на что он ответил: «Успею».

Под самый праздник ночью у Старца жару уже не было, но большое изнеможение. Заказано пораньше кончать бдение и служить скорее Литургию, чтобы успеть перед смертью причаститься. Но спустя немного Старец послал меня сказать, чтобы как можно скорее кончали бдение и после шести часов с полночи начать Литургию, и часто посылал меня узнать, скоро ли начнется Литургия. Так и сделали. Когда началась Литургия, Старец заставил меня прочесть три молитвы к Св. Причащению и по окончании их говорил мне духом: «Ну, лобызаемся». Я сразу не понял, а он еще повторил, и мы поцеловались. Благословив меня, дал мне наставление в трех главных словах.

После причащения он спокойно лежал, пищи и воды ничего не принимал. Все духовные чада его, близкие и издалека приехавшие на праздник, не хотели после Литургии расходиться. Предупрежденные тем больным, кому Старец сказал, что на Покров скончается, они остались ждать его смерти. С утра Старец пожелал, чтобы прочитали ему Страсти Господни из Евангелия от Иоанна от зачала 46-го: «Ныне прославися Сын Человеческий». Прослушав все, попросил свечу и заставил читать отходную себе. Во время чтения Старец лежал на спине, скрестив руки, держа зажженную свечу. Прочитали всю отходную до конца и «Со святыми упокой» пропели, а Старец не умер. И, отдавая свечу, сказал: «Возьмите».

Суди об этом, как кто хочет, а я догадываюсь, причина тому была то, что помешали люди. Ему хотелось встретить смерть без людей, так и исполнил Господь его желание. На другой день, 2 октября, он умер без людей. Тогда он мне говорит: «Хочу и завтра причаститься, но не знаю, проглочу ли Святое Причастие?» Теперь он не мог уже и с чайной ложки глотать воду, как

давал я ему последние три дня, ибо теперь выкашливал назад. «А ну-ка, — говорит, — дай-ка мне водицы-то с ложечки под язык». И правда, через минуту проглотил без кашля. Попробовали еще, и так до трех раз. Потом говорит мне: «Скажи духовнику, чтобы завтра, причащая меня, опустил бы Причастие под язык, не забудь предупредить его». Так и причастили его перед смертью.

Ночью ему было очень тяжело, хотя жару и не было, а все время просил то посадить, то опять положить, и всю ночь беспрестанно не мог и десяти минут побыть в одном положении. А к утру и причастился Святых Христовых Таинств. После причастия, проводив духовника, мы остались вдвоем со Старцем и он попросил посадить его, как и прежде, на постель, опершись головою в подушку на стол так, чтобы нос и уста его были свободны для дыхания. Взяв своею рукою под мышку его левой руки, а правой держа его правую руку, я стал творить Иисусову краткую молитву в такте под его биение пульса. Пульс его был ровный и твердый, как у здорового. Прислушался к его дыханию и заметил, что оно совпадает с моим и при выдыхании воздуха, и что он шепотом еле выговаривал «помилуй мя». Таким образом, приспособленно ко мне, он молился Иисусовой молитвой. Так продолжалось минут около десяти. Потом заметно пульс его начал давать перебой и ослабевать. В это время вошел к нам в келию отец Иоиль. Я говорю ему: «Отец, зажги лампадку, а то она только сейчас потухла». И когда он зажигал, Старец глубоко вздохнул. Заметив, я крикнул: «Отец Иоиль! Старец умирает». Последовал еще вздох, и душа его тихо вылетела из тела. В моих руках так он и помер, спокойно без всякого вздрагивания.

Причастив Старца Святых Таин, духовник возвращался к себе в келию. Не успев и пяти минут пройти и пойти в свой двор, как услышал колокольный звон, повестка о смерти Старцевой. Когда все собрались, начали отпевание, и по окончании у всех какая-то ощущалась радость подобно праздничной. А после, через некоторое время, читая в книге Епископа Игнатия Брянчанинова, я встретил изречение его: «Если по смерти кого в этот день у близких его ощущается на сердце радость, то это признак того, что душа эта Богом принята».

Старец почил на 69-м году рождения.

Вечная память иеросхимонаху Феодосию, Старцу моему. Со святыми в месте блаженного упокоения упокой, Господи, душу его. И меня, грешного ученика его, за молитвы его, помилуй.

Схимонах Никодим

Старец Феодосий Карульский.

Отец Никодим взбирается по почти вертикальной стене Карули.

Отец Никодим держит череп старца Феодосия.

Каруля. Вид сверху кельи старца Феодосия и церкви.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

КАРУЛЯ

(ИЗ КНИГИ А. МАТВЕЕВА «АФОН», 1928 г.)

Это название точно так же, как и отрывочные рассказы об этом замечательном пункте Афона, мне приходилось слышать неоднократно еще задолго до непосредственного ознакомления с ним.

— А вы были на Каруле? — спрашивали меня иноки и афонские гости. — Видали ли вы карульских отшельников?.. Знаете ли отца Феодосия?

Вполне понятно, что, паломничая по Святой горе, я и сам ни на минуту не забывал о существовании этого замечательного места и всю душою стремился очутиться в нем как можно скорее.

Каруля... Местожителство святогорских монахов-пустынников, единственное по дикости природы и строгости своего безмолвия... Только здесь можно во всей полноте ощутить и понять истинную красоту подвига христианского отшельничества, — отшельничества православного, овеянного прелестью вековых традиций и бесчисленных преданий и легенд.

Начало Карули относится к X веку... Легенда гласит, что к преподобному Афанасию пришел на покаяние разбойник и попросил у него благословение на пустынную жизнь.

— Много грехов совершил, много душ невинных загубил, святой отец!.. Назначь мне место и покаяние самое строгое... Буду переносить все, чтобы спастись!

Великий «авва» внял просьбе грешника и, благословив, направил его в самую глухую из всех афонских пустынь, на вершину прибрежной отвесной скалы, господствующей над морскою бездною архипелага с южной стороны Святой горы. Высоту эту, считая от моря до отшельнических келий, и поныне определяют до 800 метров, причем и теперь некоторые из пустынников, чтобы спуститься вниз, проделывают опаснейший путь, передвигаясь по веревке и упираясь ногами в обрывистую каменную стену на протяжении многих метров.

В фундаментальных библиотеках можно встретить сочинения Вас. Григоровича-Барского, знаменитого русского путешествен-

ника по святым местам в начале XVIII века. Он особенно ярко и образно описывает Карулю и головокружительную высоту «орлиных гнезд» ее насельников-иноков: «...к нему же уже приближающийся путь зело жесток и страшен есть, яковаго еще во всем моем путешествии не видех, яко четверть часа требе драться и руками и ногами, семо и овамо завращающихся, между ужасными пропастьми каменными, над морем висящими, отнюду зрящему низу, сердце унывает и великое есть тцание шествующему да не како поползнется в пропасти. Со многою нуждой и терпением тамо живущии восходят и нисходят, обремененни сущи, обаче терпят Господа ради, да в вечной жизни имут мзду!..»

Я решил исполнить свой долг паломнический перед Карулей во время одного из своих очередных пребываний на пристани Дафни, откуда легче всего отправиться туда вдоль морского берега. И с особым удовольствием вспоминаю теперь эту прекрасную прогулку по волнующемуся морю, разнообразие причудливых очертаний диких и скалистых берегов и туманной морской дали — с противоположной стороны. Никогда не забуду и чистого, светло-голубого неба, венчавшего всю нашу крошечную группу во время пути, вместе с ярко горевшим над головою солнцем, палящие лучи которого умерялись морской влагой.

Незабываемые переживания, неизгладимые впечатления!

Высоко, высоко на скалистом обрыве высится вдали неприступным средневековым замком живописный греческий монастырь Симонопетр. Затем наша лодка тихо прошла мимо Григориата, с изумительной живописностью точно повиснувшего в мареве южного воздуха. А за этими двумя орлиными гнездами следовали — Доинисиат, Святой Павел и еще какие-то истинно сказочные приюты отшельников, уцепившиеся за выступы прибрежных скал.

— Страшно и смотреть! — услышал я за спиной замечание одного из спутников. — А вот живут там наши братья, до скончания своего века живут и подвизаются во славу Божию... А, поглядишь, вот-вот оборвется в море их гнездышко... Но не обрывается: кругом ведь ангельские силы веют!..

Я молчал, слушая эти простодушные замечания моего спутника и продолжал в то же время, как зачарованный, смотреть на настоящее чудо Карули, многочисленные каливки которой, по мере приближения нашей лодки, вырисовывались все яснее и яснее на сером граните скал.

— Вот так они поднимаются туда на веревке! — продолжал монах. — Вы видите веревку-то?.. Вот извольте приметить... она правее этих черных камней тянется... По веревочке же им и пищу посылают, отшельничкам нашим. У веревки на конце

корзиночка... Ну, и кладут в нее приезжающие... Иные каливиты из этих гнездышек лет по десятку не выходят: так и живут там годами в посте и молитве.

Наша лодка остановилась, выбрав удобный береговой камень невдалеке от тропинки, ведущей к одному из древнейших скиотов, Святой Анны, расположенному среди громадных нависших утесов.

Мы вышли. Я, мой провожатый и еще один монах, направившийся из св. Пантелеимона тоже в Карулю. Знакомство с последним оказалось для меня особенно ценным: этот схимонах, отец Никодим, был учеником известного всему Афону карульского отшельника — иеросхимонаха Феодосия, которого я так хотел повидать.

— Вот немного отдохнем на камешках, а потом и двинемся с Богом! — приветливо сказал отец Никодим. — Понесу сухари своему старцу.

Только теперь я заметил, что с о. Никодимом был некий дорожный груз, в виде мешка с сухарями.

— Вы мне и свой чемоданчик извольте! — предложил он, забирая последний и присоединяя к нему вдобавок еще и большой зонтик моего спутника, иеродиакона Афанасия. — Мне подниматься туда дело привычное, а вам все же будет трудно.

И отец Никодим легко пошел вперед и вверх, перепрыгивая, как коза, с камня на камень и, по-видимому, не прилагая никаких особенных усилий для достижения еще далекой от всех нас цели. А мы следовали за ним, но о, Боже, сколь отличным являлось это наше движение!

Солнце палило нестерпимо. Но укрыться от лучей его не было возможности: все было голо, скалисто, раскалено.

Останавливались мы с иеродиаконом Афанасием почти после каждых 10—15 шагов, иногда судорожно хватаясь за выступы скал; тяжело дышали и не мало мешали тем самым отцу Никодиму, принуждая его невольно задерживать свой прыткий ход и докучая ему разговорами и расспросами. Но особенно тяжело было подниматься вверх моему тучному спутнику, беспрестанно утиравшему огромным платком свое лицо. Он положительно задыхался от трудности восхождения.

Что же касается меня, то при каждой остановке в гору, я находил прекрасное средство почти немедленно забывать эти трудности: стоило мне обернуться — и я тотчас же делался созерцателем неописуемой красоты, все время находившейся за моею спиною. Позади меня было прекрасное южное море, с его зеркальною поверхностью вод, дремавших в волшебном полусне под золотыми лучами полдневного солнца. А над всем этим

царством красок и света спокойно стояли иссиня-темные прибрежные скалы, у ног которых играли и плескались прозрачные волны. Но плескались они тихо, как бы боясь нарушить царившую вокруг тишину этих удивительных мест.

А мы поднимались все выше и выше, оставаясь в полном неведении о том, куда вел нас неутомимый монах и где нам удастся остановиться на более продолжительное время.

И вдруг раздался веселый и звонкий окрик нашего вожатого, показавшийся даже несколько странным по своей простоте в обстановке окружавшего нас величия.

— Отец Дорофей!.. а отец Дорофей! — прозвучало впереди нас. — Веду к вам дорогих гостей... землячков... выходите-е-е!..

Наш о. Никодим кричал куда-то влево, в направлении к почти отвесному склону горы, находившемуся от нас уже совсем близко.

Тропинка в это время свернула влево, и энергичный о. Никодим внезапно исчез за какими-то кустарниками, а через минуту до нас снова донесся его голос, вторично окликавший отца Дорофея.

Но последнего так и не отыскали: по уверению о. Никодима, он пошел за «дровишками»...

Передохнув, мы двинулись дальше.

Тропинка взбиралась все выше и круче, а повороты ее были все чаще и неожиданнее... И вдруг перед нами сразу открылась каливка, положительно прилипшая своею заднею стеною к основанию громадной скалистой стены. Отец Никодим, по-прежнему не обнаруживавший никаких признаков усталости от восхождения, радостно стоял теперь перед наглухо закрытою дверцею каливки, наполовину скрытой под гирляндами какого-то вьющегося растения. Он зывал по-уставному, но никто не откликнулся изнутри.

— Видать, молится старец! — пояснил он. — Ну, да ничего, откроет...

И он вновь постучал в глухую дверцу, повторяя обычную молитву.

За калиткою послышались старческие шаги, прогремел отодвигавшийся засов — и вслед затем, на фоне темного четырехугольника открывшейся дверцы, появилось перед нами прекрасное лицо старца-пустынника, одно из замечательнейших человеческих лиц, какие мне когда-либо приходилось видеть в жизни... Оно было чистым, открытым, обрамленным белыми, как лунь, волосами головы, с такою же белою бородою, ниспадавшею на ветхую монашескую рясу. Но что было самым замечательным, самым чарующим на этом светлом старческом лице — это лучистые и ясные глаза, которыми он как бы

обнимал и привлекал к себе всякого приближавшегося. Привлекательна была и его добрая, детски ласковая улыбка, как бы озарявшая все вокруг каким-то нездешним тихим светом, не имевшим ничего общего со светом солнечным, щедро лившимся на прекрасную афонскую природу.

СТАРЕЦ ФЕОДОСИЙ

— Милости просим, дорогие гости! — прозвучал тихий, приветливый голос. — Прошу вас... входите с Богом!

Это был прославленный афонский старец-отшельник, иеросхимонах отец Феодосий, в далеком прошлом воспитанник Казанской духовной академии и ее профессор. Впоследствии, по глубокому духовному устремлению, он удалился на Афон, а затем ушел в отшельничество на Карулю. Здесь, проводя время в посте и уединенной молитве, он не чуждался и богословских вопросов, углубляясь в них и ведя очень интересную полемическую переписку с выдающимися учеными-богословами — митрополитом Антонием (Храповицким), проф. Н.Н.Глубоковским и др.

Я спустился в его крошечную, но чистенькую келейку и всецело погрузился в созерцание этого замечательного человека... Я старался понять отца Феодосия; присматривался внимательно и серьезно, боясь пропустить какое-либо его слово, какой-либо случайный ответ. И в то же время с истинным восхищением следил за его спокойными движениями и тихим светом его взгляда.

И, делая все эти наблюдения, я вскоре убедился в одной непреложной истине:

Тихий и приветливый старец, отец Феодосий, был человеком исключительным, необыкновенным, выходящим из ряда других людей по сочетанию тех добродетелей, какие так и излучало от себя все его существо, казавшееся таким простым и несложным. Чистота душевная и телесная, целомудренное сердце, непоколебимая и горячая вера во все то, во что должен верить истинный подвижник, детская простота и полное доверие к людям — все это так и сквозило из слов и жестов старца. И не было никакого сомнения, что весь конгломерат добродетелей о. Феодосия был прочно спаян в одно прекрасное целое одним живительным цементом, а именно: любовью о Христе, соединенной с незыблемой верностью православию.

Нечего уже и упоминать о том, что старец, вероятно, приобрел свои неземные богатства ценою далеко не легкой. Действи-

тельно, о его неусыпном трудолюбии, непрерывной молитве, полном нестяжательстве, высокой степени воздержания в пище и полном отсутствии честолюбия, мне неоднократно рассказывали в разных афонских обителях.

— Батюшка Феодосий карульский... это вода в чистом озере — сказал мне один из святогорцев. — Чистая вода с зеркальной гладью... Вот это и есть о. Феодосий.. А небеса-то Божьи в этом зеркале и отражаются... вот и все!

Удивительно мудрые сравнения можно услышать из простодушных монашеских уст.

В то время, когда я был увлечен первой беседой с отцом Феодосием, другие монахи заботливо хозяйничали на крошечной площадке, где под виноградным навесом вкопан был старенький столик.

Узнав о нашем прибытии, к пустынному приюту старца подошли его соседи-каливиты: о. Дорофей и о. Иоиль... А добросердечный и гостеприимный о. Никодим, ученик старца, деловито суетился под нависшей скалою над закоптелым и помятым самоваром, который вскоре и закипел к величайшему удовольствию присутствующих.

И мы стали пить чай. Пили его под грозно нависшею скалою на крошечной площадке, где был сооружен виноградный навес над покосившимся столиком. Закусывали сухарями — обычной пищею местных подвижников, годами скудно насыщавшими этим свои подвижнические тела... Было больше, чем скудно, но я никогда не забуду этого чудесного монашеского угощения, как не забуду и беседу, какую мы вели сообща в те часы...

А время летело... и, улучив минуту, я снова удалился с отцом Феодосием, посвятившим мне целых два часа для личного собеседования.

Никогда, конечно, не забуду я этого разговора, оставившего неизгладимый след в моей душе на всю жизнь. Содержание и сущность ее я позволю себе, по вполне понятным причинам, оставить в тайне даже от моих дорогих читателей, ибо вся моя беседа со старцем касалась вопросов исключительно моей личной жизни. Но как видел и как понимал отец Феодосий эту мою жизнь, протекавшую от него столь далеко среди мирской суеты!.. Какие простые и в то же время мудрые советы преподал он мне из глубины своего афонского уединения!..

И тогда только понял я, какое великое благо представляет собою для христианского мира подлинное отшельничество и старчество во Христе; каких духовных высот могут достигнуть его истинные и достойные служители!

Затем отец Феодосий повел меня в свой крошечный «храм»-пещерку, и я простоял в нем всю вечерню, которую только чувство христианского благоговения не позволяет назвать сказочной, настолько сильно было своеобразное восхищение, охватившее все мое существо в минуты этого редкого богослужения.

Церковка, прилепившаяся к скале, не превышала 4—5 шагов в длину и ширину по своим размерам, гнездилась высоко над крутым скатом. Но что за чувства и настроения владели сердцем во время моей молитвы в этом храме!.. Тихо мерцали восковые огарочки перед ликом закоптелых икон, проникновенно звучали слова молитв. А за спиною, за выходом из этого скромного дома молитвы... простиралось бескрайнее море и синели суровые горные склоны, такие далекие и чуждые всему суетному миру. И выстаивая вечернее богослужение в церковке отца Феодосия, я совсем позабыл в эти минуты о своей усталости от тяжелого подъема на карульские высоты, почти валившей меня с ног так недавно.

Когда вечерня окончилась, я не мог удержаться, чтобы не побеспокоить старца новою просьбой еще побеседовать со мною, что он и исполнил с прежнею охотой и любовью.

Мы уселись у входа в келийку старца и, глядя на море и прильнувшие к скалам каливки, стали беседовать, как очень давние знакомые и друзья.

Я обратился с вопросом к отцу Феодосию: возможно ли спастись, живя в миру?..

Выслушав мой вопрос, старец немного задумался, а затем ласково сказал: «В этом случае повторю лишь слова моего учителя, оптинского старца, который на подобный вопрос мудро ответил, что в своих решениях нужно руководствоваться здравым рассуждением, основывающимся на заповедях Господних... Но при этом нужно помнить, конечно, что и все добродетели крайне нужны тем, кто ищет Бога. Но мы знаем и то — продолжал старец, — что многие измождали свои тела, удалялись в пустыню, усердно ревновали о трудах, любили нищету и, несмотря на все это, падали, склонившись на зло, и делались достойными осуждения. Причина этому, что они не обладали добродетелью рассуждения и благоразумия, ибо эта добродетель направляет человека по прямому пути и удерживает его от уклонения. Рассуждение — есть око души и ее светильник... Рассуждение есть поэтому и главная добродетель, по определению св. Антония Великого, а потому нужно руководствоваться здравым рассуждением, основывающимся на заповедях Господних и на любви к ближним... Удалившись от мира и покинув семью, человек далеко не всегда находит покой душе своей. Подвиги нищеты и самоотвержения могут только привести к гордости и осуждению

других, и этим только отдалить от Бога... Вернитесь в дом свой, помогайте по усердию бедным, соблюдайте уставы св. Церкви — и получите желанный мир душе, и будете жить во славу Божию...»

Таков совет высокой и практической мудрости, преподанный святогорскому паломнику.

Время, между тем, летело. А я был готов слушать отца Феодосия хотя бы и всю ночь... Но вот он поднялся и с ласковой улыбкой сказал:

— Теперь простите, простите меня грешного... Вот и солнышко заходит...

Огненный его шар действительно уже скрылся за горами, и краски наступающей ночи быстро покрывали морскую даль.

Отец Феодосий удалился в свою келийку и, как я узнал от о. Никодима, далеко не для отдыха и сна.

— Он еще молиться будет часа два, батюшка-то наш, — с любовью сказал его преданный ученик. — Редкий подвижник!.. От него только и учиться нам, грешным монахам.

Стал накрапывать дождик и я решил дождаться утра при келии добрейшего отца Феодосия, выбрав себе для ложа доски около отвеса скалы, под церковкой старца. Дверь оставалась закрытой.

Ночь была теплой и тихой, с темным небом, усеянным мириадами звезд...

Я улегся, но сон долго не приходил ко мне: слишком необычны были впечатления минувшего дня, из коих самым сильным была беседа с благостным старцем... Эту беседу приходилось не только помнить, но и подлинно переживать впоследствии, — причем переживать не в течении одного лишь дня или бессонной ночи.

Под конец я все же заснул, убаюканный чуть слышным шумом моря и ласкового ветерка, дувшего со стороны афонских скал.

На рассвете мы уже двигались дальше, направляясь в Кираши.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>схимонах Никадим</i>)	3
Молитвенный дневник старца Феодосия Карульского	5
Заключение (<i>схимонах Никодим</i>)	54
Послесловие	
Каруля (из книги А. Матвеева «Афон», 1928 г.)	60
Старец Феодосий	64

Молитвенный дневник старца Феодосия Карульского

*Издание Спасо-Преображенского
Валаамского Ставропитального монастыря*

ЛР № 030442 от 14.10.92. Подписано к печати 05.08.97. Формат 60×90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 4.1. Тираж 10 000 экз.

Тип. зак. № 2230.

Великолукская городская типография
Комитета по средствам массовой информации и связям
с общественностью Администрации Псковской области,
182100, г. Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12

